

18+

Мерседес Потт

НАША ВИНА

CULPA NUESTRA

ПОТОМУ ЧТО ЕСЛИ БЕЗУМНО
ЛЮБИТЬ ДРУГ ДРУГА — ПРЕСТУПЛЕНИЕ...
ТО МЫ ОДНОЗНАЧНО ВИНОВНЫ.

Моя вина

Мерседес Рон

Наша вина

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

Рон М.

Наша вина / М. Рон — «Издательство АСТ», 2018 — (Моя вина)

ISBN 978-5-17-146644-2

Отношения Николаса и Ноа переживают свои худшие времена, и кажется, что ничего не может быть как раньше... Им придется пройти через многое, чтобы наконец решить, действительно ли они созданы друг для друга или, наоборот, им не суждено быть вместе. Но разве можно забыть такую сильную любовь? Как можно стереть воспоминания, выгравированные на сердце? Любви бывает недостаточно, и прощения иногда недостаточно, чтобы все исправить. Смогут ли они оставить все в прошлом и начать сначала?

УДК 821.134.2-31

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-17-146644-2

© Рон М., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Первая часть	7
1	7
2	12
3	16
4	18
5	24
6	26
7	31
8	33
9	37
10	39
11	44
12	45
13	50
14	54
15	59
Вторая часть	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мерседес Рон

Наша вина

Mercedes Ron
CULPA NUESTRA

Печатается с разрешения Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U. и агентства Nova Littera SIA

© 2018, Mercedes Ron
© 2018, Penguin Random House Grupo Editorial S.A.U
© Роман Сычев, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Моей кухне Бар.
Спасибо, что всегда была рядом.
Эта книга настолько моя, насколько и твоя.*

Пролог

Я все время задаюсь вопросом, почему, если мы с Ником порвали больше года назад, мне больно сейчас. В какой-то момент, чтобы ни с кем не столкнуться, я съехала на обочину, заглушила двигатель и, держась за руль, заплакала.

Я оплакивала то, что между нами было, то, что могло бы быть... Оплакивала его, то, что разбила ему сердце, принесла разочарование, заставила открыться любви, но только для того, чтобы показать, что любви не существует, по крайней мере, без боли, и что эта боль способна оставить шрам на всю жизнь.

Оплакивала ту Ноа, которой была с Ником: полную жизни Ноа, которая, несмотря на внутренних демонов, умела любить всем сердцем; ведь я люблю его больше чем кого-либо, и это я тоже оплакивала.

Когда встречаешь человека, с которым хочешь провести всю жизнь, пути назад нет. Многие никогда не познают этого чувства, думают, что нашли его, но ошибаются. Я знала и знаю, что Ник – любовь всей моей жизни, тот человек, который должен был стать отцом моих детей, тот, кого я хотела видеть рядом в горе и радости, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас.

Ник и есть *тот самый*. Он – моя половина, но пришло время научиться жить без него.

Первая часть Примирение

1 Ноа

Десять месяцев спустя...

В аэропорту стоял оглушительный шум, люди суматошно двигались, волоча за собой чемоданы, подхватив детей, передвигая тележки. Я разглядывала табло в поисках следующего пункта назначения и точного времени посадки. Мне не хотелось идти в одиночку, никогда не любила самолеты, но не было другого выхода: теперь я одна, только я, и больше никого.

Я сверила время и снова подняла взгляд на табло. Я приехала заранее, поэтому у меня было время, чтобы выпить кофе в терминале и немного почитать в надежде, что это принесет успокоение. Я подошла к рамке металлоискателя, честно говоря, не люблю через них проходить, потому что у меня вечно что-нибудь звенит. Простая причина моих несчастий в местах, куда я отправляюсь, кроется в металлоискателях. Видимо, как многие говорят, у меня и правда железное сердце. Я положила рюкзак на конвейерную ленту, сняла часы и браслеты, кулон – кстати, давно следовало его снять, – сложила все в кучу вместе с телефоном и мелочью из кармана.

– Обувь тоже, мэм, – уставшим голосом сказал молодой охранник. Я поняла, что его работа утомительная и монотонная и, видимо, изнуряющая совершением повторяющихся действий. Я положила белые конверсы в корзину и мысленно порадовалась тому, что на мне носки без смешного рисунка или чего-нибудь, за что могло бы быть стыдно. Пока вещи ехали по ленте, я прошла через рамку металлоискателя, и, разумеется... она запищала.

– Пожалуйста, встаньте здесь, вытяните руки и расставьте ноги, – сказал охранник, и я вздохнула. – У вас есть какие-нибудь металлические, острые предметы или...

– У меня ничего нет. Не знаю почему, но рамка всегда на меня срабатывает, – я начала оправдываться, пока он проводил по мне металлоискателем. – Наверняка это пломба.

Мой ответ рассмешил охранника, и мне вдруг захотелось, чтобы он убрал от меня руки.

Когда он отошел и позволил пройти, я забрала вещи и направилась в *дьюти-фри*. Может, взять огромный «Тоблерон»? Отличная идея. По-моему, только это доставляет мне удовольствие в аэропорту. Я взяла два, положила в ручную кладь и отправилась искать выход на посадку. Аэропорт Лос-Анджелеса был большим, но, к счастью, мой выход находился близко. Путь к выходу наполовину состоял из коврового покрытия с указателями, стрелками под ногами и обвешан тысячами табличек со словами «До встречи» на десяти разных языках. Так я дошла до выхода. В зале ожидания было мало пассажиров, поэтому я спокойно вошла, предъявив паспорт и билет. Войдя в самолет, села, вытащила книгу и принялась есть «Тоблерон».

Все шло неплохо, пока мне на колени не упало письмо, заложенное между страницами, напомнив о том, что я поклялась забыть и похоронить. От образов в голове к горлу подступил ком, и сегодняшнее спокойствие оказалось нарушено.

Девятью месяцами ранее...

Новость об отъезде Николаса стала для меня неожиданностью. Очевидно, по его просьбе никто ничего мне не рассказывал. Даже Дженна не говорила о Нике, хотя я знала, что они виделись. Когда они с Лайоном пошли к Нику, переживания подружки отразились на ее лице. Она оказалась между молотом и наковальней. И это было еще одним пунктом, который нужно включить в список обвинений.

Мы с Николасом больше не виделись, но его действия не заставили себя ждать. Несколько коробок с моими вещами пришли почти через две недели после расставания, и, увидев «Н» на коробке с животными, я разрыдалась. Наш бедный котенок, теперь мой... Мне пришлось оставить его маме в старом доме из-за сильной аллергии моей соседки по квартире. Трудно было расстаться с ним, но у меня не было выбора.

Этот полный слез период моей жизни я называю «темной полосой». Таким он и был: я находилась внутри туннеля в крошечной темноте, из которого не могла выбраться. Не помогали ни свет нового дня, ни свет лампы рядом с кроватью. Почти ежедневно у меня были панические атаки, пока, в конце концов, мой врач не направила меня к психологу.

Поначалу я и слышать не хотела о психологах, но именно он мне и помог. Я начала просыпаться по утрам и делать то, что делают все люди... до той ночи, когда поняла, что, если Ник уедет, все будет потеряно, и на сей раз навсегда.

Я узнала о его отъезде из разговора в кафетерии кампуса. Боже, даже в университете знали о Нике больше, чем я.

Одна девушка сплетничала о моем парне – извините, бывшем парне – и сообщила, что его отъезд в Нью-Йорк произойдет через несколько дней.

В этот момент что-то овладело моим телом, заставило сесть в машину и поехать к нему. Мне удавалось избегать мыслей об этом месте и произошедшем, но я не могла его отпустить. По крайней мере, не увидевшись и не поговорив с ним. В последний раз я видела его в ту ночь, когда мы расстались.

С трясущимися руками, едва держась на ногах, я шагнула в подъезд Ника. На лифте поднялась на его этаж и встала перед дверью.

Что я могла ему сказать? Что я могла сделать, чтобы он простил, чтобы не уезжал, чтобы снова полюбил?

Я позвонила в дверь, чувствуя страх и находясь уже почти на грани обморока. Такой он увидел меня, когда открыл дверь квартиры.

Сначала мы просто молчали, смотря друг на друга. Он не ожидал увидеть меня. Уверена, что он хотел уйти, не оглядываясь, забыть обо мне и сделать вид, будто меня никогда не существовало, но не рассчитывал, что я не сдамся.

Напряжение было почти осязаемым. Ник потрясающе выглядел: темные джинсы, белая футболка и слегка взъерошенные волосы. Сказать, что он был невероятен, – ничего не сказать: он всегда был таким, но этот взгляд, внутренний свет, который всегда озарял его лицо, когда он видел меня, теперь погас, больше не было той магии, которая околдовывала нас, когда мы стояли друг перед другом.

Я увидела его таким красивым, таким высоким, таким моим... будто мне показывали в наказание, что я потеряла.

– Зачем ты пришла? – его голос, жесткий и холодный как лед, вывел меня из ступора.

– Я... – ответила я дрогнувшим голосом. Что я могла ему сказать? Что нужно было сделать, чтобы он снова посмотрел на меня так, как будто я была его светом, его надеждой, его жизнью?

Он, казалось, даже не хотел меня слушать, потому что уже собирался захлопнуть перед моим носом дверь, но я приняла решение: если придется сражаться, буду сражаться. Я и не думала отпускать его. Я не могла его потерять, так как без него я не выживу. Было больно видеть его передо мной и не иметь возможности попросить обнять, успокоить боль, которая поглощала меня изо дня в день. Я шагнула вперед и, проскользнув в щель, пробралась в квартиру, вторгнувшись в его пространство.

– Что, черт возьми, ты делаешь? – спросил он, следуя за мной, когда я направилась напрямик в гостиную. Комнату было не узнать: повсюду стояли коробки, чехлы покрывали диван и тумбочку в гостиной. Воспоминания о том, как мы вместе завтракали, как целовались на диване, как смотрели фильмы, как он готовил мне завтрак, как я стонала от удовольствия среди этих подушек, когда он целовал меня до состояния, когда я уже не могла дышать...

Все исчезло. Ничего не осталось.

Слезы начали литься из моих глаз, и я, не в силах сдержаться, повернулась к нему.

– Ты не можешь уехать, – проговорила я срывающимся голосом; он не мог оставить меня.

– Убирайся, Ноа, я не собираюсь это выслушивать, – ответил он, замерев на месте и крепко сжимая челюсть.

Тон его голоса заставил меня вздрогнуть, и я окончательно потеряла контроль. Нет... черт, нет, я не уйду, по крайней мере, без него.

– Ник, пожалуйста, я не могу потерять тебя, – жалобным голосом взмолилась я. В моих словах не было ничего особенного, но они были искренними, совершенно искренними, я правда не выжила бы без него.

Николаас, казалось, дышал все более и более взволнованно, мне было страшно, что я слишком сильно давлу на него, но раз уж назвался груздем – полезай в кузов.

– Проваливай.

Его приказ был ясен и лаконичен, но я ослушалась, как делала всегда... и не думала меняться сейчас.

– Разве ты не скучаешь по мне? – спросила я, и мой голос сорвался на половине вопроса. Я оглянулась, а потом снова посмотрела на него.

– Потому что я едва могу дышать... едва могу просыпаться по утрам; засыпаю, думая о тебе, просыпаюсь, думая о тебе, плачу о тебе...

Я вытерла рукой слезы, Николаас сделал шаг вперед, но не с намерением успокоить, а совсем наоборот. Он крепко схватил меня за руки. Слишком сильно.

– И что, по-твоему, я должен сделать? – сердито спросил он. – Ты, черт возьми, сломала меня!

Ощутить его руки на своей коже, каким бы уродливым ни был этот жест, оказалось достаточно, чтобы придать мне сил. Я так скучала по его прикосновениям, что почувствовала прилив адреналина.

– Мне очень жаль, – извинилась я, опустив голову, потому что одно дело – чувствовать его, и совсем другое – видеть ненависть в его прекрасных светлых глазах. – Я совершила ошибку, огромную, непростительную ошибку, но ты не можешь позволить этому положить конец нашим отношениям. – Я подняла глаза. На этот раз мне нужно было, чтобы он поверил моим словам, увидел в моем взгляде, что я говорю искренне. – Я никогда никого не полюблю так, как тебя.

Мои слова, казалось, обожгли его, потому что он убрал от меня руки, отвернулся и в отчаянии схватился за волосы, сжался и снова посмотрел на меня. Он выглядел опустошенным. Казалось, он вел самую тяжелую битву в своей жизни.

Наступила тишина.

– Как ты могла? – спросил он несколько секунд спустя, и мое сердце снова забилося, услышав, как его голос сорвался на последнем слове.

Я нерешительно сделала шаг вперед. Я ранила его. Мне просто хотелось, чтобы он сжал меня в своих объятиях и сказал, что все уладится.

– Я не помню... – призналась я срывающимся от волнения голосом. Это было правдой, я ничего не помнила, мой разум заблокировал это воспоминание. В ту ночь, в ту роковую ночь, я была так потрясена мыслью, что он сделал то же самое, изменил мне, и я даже не смогла остановить его, позволила ему сделать это. В тот момент я была настолько разбита, что просто забылась. *Ничего, что не имеет к тебе отношения, не остается в моих воспоминаниях.* – Ник, мне нужно, чтобы ты простил меня, чтобы снова смотрел на меня как раньше, – голос начал жалко срываться, сердце болело от того, что я видела его прямо перед собой, но не чувствовала рядом... – Скажи, что я могу сделать, чтобы ты простил меня...

Он недоверчиво посмотрел на меня, как будто я просила о чем-то невозможном, будто из моих уст выходили только бессвязные и нелепые вещи.

И да, я чувствовала себя нелепо, ведь разве могла бы я простить измену? Измену Ника?

Я почувствовала сильную боль в груди, и этого было достаточно, чтобы узнать ответ... Нет, конечно, нет, от одной только мысли об этом мне захотелось дернуть себя за волосы, чтобы стереть образ Ника в объятиях другой женщины.

Я вытерла слезы предплечьем и поняла, что все бесполезно. Несколько мгновений мы молчали, и я знала, что должна уйти, но не могла вынести этого чувства, потому что потеряла Ника и, как бы ни умоляла, ничего не могла с этим поделать.

Слезы продолжали стекать по моим щекам, я понимала, что сейчас будет прощание. *Прощай...* Боже мой, прощаться с Ником! Как все до этого дошло? Как прощаться с человеком, которого любишь и в котором нуждаешься больше всего в жизни?

Я уже направлялась к двери, но, когда проходила мимо него, Ник встал передо мной и, к моему удивлению, поцеловал. Его руки схватили меня за плечи, прижав к нему, и я замерла, ощутив поцелуй, которого не ожидала.

– Почему, черт возьми? – посетовал он секунду спустя, крепко сжимая меня в объятиях.

Я поймала его лицо в свои руки, но он не дал мне времени, чтобы проанализировать, что произошло, потому что моя спина врезалась в стену гостиной. Он удерживал меня, когда его губы нашли мой рот, и он яростно целовал меня. Я отчаянно притянула его к себе. Его язык вошел в мой рот, руки спустились по моему телу. Но потом что-то изменилось: его действия и поцелуи стали настойчивее, жестче. Он оторвался от моих губ и прижал к стене, не давая пошевелиться.

– Тебя не должно быть здесь, – сердито пробормотал он, и, открыв глаза, я заметила, как по его щекам потекли слезы. Я никогда не видела, чтобы он плакал.

Почувствовала, что мне не хватает воздуха, я поняла, что нужно уйти, что мы делаем все неправильно, что все это неправильно, очень неправильно. Хотелось погладить его по щеке, вытереть слезы, крепко обнять и просить прощения тысячу раз. Не знаю, что в тот момент передавал мой взгляд, но в глазах Ника, казалось, вспыхнуло что-то, что можно было бы назвать яростью, яростью и болью, глубокой болью, что была мне хорошо знакома.

– Я любил тебя, – заявил он, зарываясь лицом в мою шею.

Я заметила, что он дрожит, и мои руки обняли его так, будто не хотели никогда отпускать.

– Я любил тебя, черт возьми! – повторил он, повысив голос и отстраняясь от меня.

Николаас сделал шаг назад, посмотрел на меня так, словно впервые видел, опустил взгляд в пол, а потом снова поднял к моему лицу.

– Убирайся и даже не думай возвращаться.

Я посмотрела ему в глаза и поняла, что все потеряно. Слезы рвались наружу, но в них уже не было и следа любви, только боль и ненависть, и я ничего не могла с этим поделать. Я верила, что смогу вернуть его, что любовь, которую я испытывала к нему, вернет его, но как же ошибалась. От любви до ненависти один шаг... и это было именно то, чему я была свидетелем.

Это был последний раз, когда я его видела.

– Мисс, – произнес голос рядом со мной, заставляя вернуться в реальность.

Я подняла взгляд от письма и увидела стюардессу, которая с нетерпением наблюдала за мной.

– Да? – ответила я, и книга с «Тоблероном», лежавшие у меня на коленях, упали на пол.

– Завершается посадка, не могли бы вы дать мне свой билет?

Я огляделась. Черт, я была единственной, кто остался в зале. Заметив двух стюардесс, наблюдавших за мной из дверного проема, выходящего в рукав, ведущий к самолету, я встала с кресла. Черт!

– Простите, – извинилась я, хватая рюкзак и ища в нем паспорт и билет. Девушка взяла билет и направилась к двери. Я последовала за ней, бросив быстрый взгляд на зал ожидания, чтобы убедиться, что ничего не оставила, и стала ждать.

– Ваше место в конце справа... Желаю приятного полета.

Я кивнула, входя в посадочный рукав, и почувствовала дискомфорт в желудке.

Шесть часов до Нью-Йорка – вот что меня ожидало.

Полет длился вечность. Я даже представить себе не могла, какая температура сейчас в Нью-Йорке, потому что была середина июля, и хорошо, что мое пребывание там будет довольно коротким, потому что у него была только одна причина.

Выйдя из самолета, я направилась прямо на вокзал. Меня ожидала короткая поездка на поезде от аэропорта до станции Ямайка, где я сяду на другой поезд, который доставит в Ист-Хэмптон. Я все еще не могла поверить, что посещаю такое снобистское место, и никогда бы тут не оказалась, если бы Дженна, ох, Дженна, не захотела устроить здесь свадьбу; она месяцы напролет организовывала ее и хотела выйти замуж исключительно в Хэмптоне, как богатая американка. У ее матери был особняк в этом районе, где они проводили почти каждое лето, и Дженна любила это место, потому что именно с ним были связаны все ее детские воспоминания. Загуглив, я узнала, что дом стоит миллионы, и была ошарашена.

Дженна сказала, что хотела бы, чтобы я приехала за неделю до свадьбы. Был вторник, а уже в воскресенье моя лучшая подруга навсегда перестанет быть одинокой. Многие говорили, что жениться в девятнадцать – безумие, но кто мы такие, чтобы судить их любовь? Если они были уверены в своей любви и готовы к браку, то все остальное – условности.

Итак, я сошла на станции Ямайка, но впереди еще два часа пути в час пик, за которые я должна осознать, что мне нужно не только увидеть, как лучшая подруга выходит замуж, но и снова увидеть Николаса Лейстера спустя десять месяцев, не зная о нем абсолютно ничего, разве что пару новостей, которые удалось обнаружить в интернете.

Ник был шафером, а я – одной из подружек невесты... красивая картинка, не правда ли? Может быть, пришло время залечить раны, может быть, пришло время простить. Было ясно одно: мы встретимся, и Третья мировая – самое безобидное, что может произойти из-за нашей встречи.

2 Ноа

Я прибыла на вокзал около семи вечера. Солнце еще не исчезло за горизонтом. В середине июля оно не сядет до девяти. Было приятно сойти с поезда, размять ноги и почувствовать теплый запах моря и прохладный ветерок, доносящийся с побережья. Я давно не ходила на пляж и скучала по нему. Мой университет находился почти в двух часах езды от океана, к тому же я изо всех сил старалась не попадаться на глаза маме. Мои отношения с ней ухудшились, и, хотя прошло много времени, нам не удалось ничего исправить. Время от времени мы вели долгие разговоры и, когда разговор касался области, о которой я не хотела говорить, я просто вешала трубку.

Дженна ждала меня в машине перед станцией. Увидев меня, она выскочила из своего белого кабриолета и побежала мне навстречу. Я сделала то же самое, и мы оказались посреди дороги. Мы обняли друг друга и запрыгали, как сумасшедшие.

– Ты здесь!

– Я здесь!

– Я выхожу замуж!

– Ты выходишь замуж!

Мы обе громко рассмеялись, пока настойчивые гудки пробки, которую мы создали, не заставили нас разойтись.

Мы сели в кабриолет, и я смотрела на свою подругу, которая начала болтать о том, как она ошеломлена и сколько всего еще надо сделать перед «важным днем». На самом деле у нас была всего пара дней, чтобы побыть наедине, так как гости не заставят себя долго ждать. Самые близкие друзья останутся в ее доме, а у остальных либо уже есть собственный дом в Хэмптоне – когда я говорю «дом», я имею в виду «особняк», – либо они останутся у друзей, которые живут в этом районе.

Дженна выбрала эти даты именно поэтому. Чтобы не заставлять всех ехать, она решила выбрать для свадьбы время отпусков, так как половина друзей и знакомых были бы уже здесь или поблизости.

– Я подготовила безумный план, Ноа. Следующие несколько дней мы будем лежать на пляже, ходить в спа, есть и пить «Маргариту». Это мой девичник в стиле релакс, который я хочу.

Я кивнула, в то время как мои глаза разбежались от видов окрестностей. Боже мой, это место великолепно! Я чувствовала себя так, будто внезапно попала в колониальную эпоху семнадцатого века. Деревенские домики из белого кирпича, с вытянутой и красивой черепицей, с крыльцом в передней части и креслами-качалками перед дверями. Я так привыкла к практичному и простому стилю Лос-Анджелеса, что забыла, насколько живописными могут быть некоторые места. По мере того, как мы удалялись от деревни, я начала замечать впечатляющие особняки, возвышающиеся на обширных пространствах. Дженна свернула на второстепенную дорогу в сторону моря, и вдали я увидела высокие крыши эффектного светло-коричневого особняка.

– Только не говори, что это твой дом...

Дженна засмеялась и достала из бардачка какую-то штуковину. Нажала кнопку, и массивные створы ворот бесшумно распахнулись. И вот он – впечатляющий большой и красивый дом.

В колониальном стиле, как и все вокруг, никаких признаков модерна, изысканно построен на участке, переходящем в море, – оттуда слышен прибой. Ряд тусклых фонарей освещал дорогу, ведущую к парковке, вмещавшей не менее десяти машин.

У особняка из белого кирпича было красивое крыльцо, поддерживаемое массивными колоннами. Сады, окружавшие его, были такими зелеными, каких я давно не видела, среди деревьев выделялись два вековых дуба-великана, будто приветствуя всех вошедших.

– Церемония будет проходить здесь? Черт возьми, Дженна, тут просто великолепно, – воскликнула я, выбираясь из кабриолета, не в силах отвести взгляда от этого величественного сооружения, сравнивая с тем, к чему привыкла... я ведь жила в доме Лейстеров, но тут все было совсем другое... волшебное.

– Нет, церемония будет не здесь. Сначала хотели провести тут, но, поговорив с отцом, я поняла, что было бы здорово выйти замуж там, где мы всегда хотели: в часе езды отсюда есть виноградник, мой отец водил меня туда, когда я была маленькой. Я помню, как однажды мы ездили верхом и он сказал, что хочет, чтобы я вышла замуж в этом месте, потому что в нем есть едва уловимая магия. Мне было всего десять, и в то время я мечтала выйти замуж как принцесса. Отец все еще помнит об этом.

– Наверняка удивительное место, если оно превосходит это.

– Да, тебе понравится, там празднуют много свадеб.

Мы вместе подошли к лестнице и поднялись по десяти ступеням, ведущим к крыльцу. Я услышала легкий скрип дерева под ногами, и это было сродни небесной музыке для моего слуха.

Вы не можете себе представить, что было внутри: огромное открытое пространство с дубовым полом. В центре стояло несколько диванов, расположенных по кругу вокруг круглого камина в стиле модерн. Библиотека с мягкими креслами занимала еще одно пространство, ведущее к лестнице на второй этаж, где балюстрада позволяла осматривать окрестности.

– Сколько здесь остановится людей, Дженн?

Дженна небрежно бросила пиджак на диван, и мы прошли на кухню. Она тоже была огромной: в ней было что-то вроде гостиной, с желтыми креслами и небольшим столиком для завтрака. Через панорамные окна я могла видеть, что дверь выходила в огромный сад, а за ним, в нескольких метрах, был пляж с безупречным белым песком позади большого квадратного бассейна.

– Ну, посмотрим... в общем, думаю, что около десяти вместе с нами двоими, Лайоном и Ником; остальные останутся в других домах в этом районе или в гостинице в порту.

Я перевела взгляд к окну, услышав имя Ника, и беззаботно кивнула, чтобы она не заметила, насколько мне больно слышать его имя.

Однако Дженна заметила и, вынув из холодильника две бутылки имбирного эля, заставила меня посмотреть ей в глаза.

– Прошло уже десять месяцев, Ноа... я знаю, что тебе все еще больно, и отчасти я ждала столько времени для вас, потому что не смогла бы выйти замуж без двух моих лучших друзей, но... с тобой все будет в порядке? Я имею в виду... ты не видела его с тех пор, как...

– Я знаю. И да, Дженна, не собираюсь лгать тебе, говоря, что мне все равно и я пережила это, потому что это не так. Но мы обе знаем, что это закончится. Мы практически семья... это был вопрос времени, когда мы снова увидим друг друга.

Дженна кивнула, и мне пришлось отвести взгляд от нее. Мне не нравилось то, что видели мои глаза; когда речь заходила о Нике, людям казалось, что они ступают по тонкому льду. Я умела справляться со своей болью, у меня получалось это раньше и получится делать это изо дня в день. Мне не нужно сострадание. Я привела наши отношения к краху, и остаться одной с разбитым сердцем было справедливым наказанием.

Дженна быстро показала мою комнату, и я поблагодарила ее, так как была измотана. Она взволнованно обняла меня после того, как объяснила, как работает душ, и ушла, крикнув напоследок, что мне лучше отдохнуть, потому что завтра нас ничто не сможет остановить. Я улыбнулась, и, когда она ушла, открыла кран, чтобы принять теплую расслабляющую ванну.

Я знала, что предстоящие дни будут тяжелыми. Нужно было сохранять самообладание ради Дженны, чтобы она не видела, что я совершенно разбита.

На следующей неделе мне нужно будет сыграть лучший спектакль в моей жизни... и не только перед Дженной, но и перед Николасом, потому что если он увидит мою уязвимость, то в конечном итоге разрушит мои душу и сердце... В конце концов, именно это ему и нужно.

Я проснулась довольно рано, в основном потому, что шторы в моей комнате были не задернуты. Выглянула, и океанские волны, казалось, пожелали мне доброго утра. Мы были так близко к морю, что я почти чувствовала песок под ногами.

Я поспешно надела бикини и, войдя на кухню, увидела, что Дженна уже проснулась и разговаривает с женщиной, которая пила кофе, сидя напротив нее.

Увидев меня, обе улыбнулись.

– Ноа, давай я вас познакомлю, – сказала она, вставая и беря меня за руку. Женщина перед ней была очень красивой, с азиатскими чертами и аккуратно причесанными каштановыми волосами. Она была... ухоженной; да, это было лучшее слово, чтобы описать ее. – Это Эми, организатор свадьбы.

Я подошла к ней и с улыбкой пожала руку.

– Очень приятно.

Эми дружелюбно посмотрела на меня и, достав из сумочки записную книгу, принялась что-то в ней искать, быстро и уверенно перелистывая страницы.

– Дженна сказала мне, что ты красивая, но теперь, увидев тебя... Платье подружки невесты будет выглядеть на тебе потрясающе.

Я улыбнулась, чувствуя, как покраснели мои щеки.

Дженна села рядом со мной и сунула в рот кусок тоста.

– Эй, красавицей на вечеринке должна быть я, – я едва поняла ее с едой во рту, но знала, что она говорит это в шутку. Дженна была так красива, что среди всех красивых девушек, которые были рядом с ней, она всегда выделялась.

– Смотри, Ноа, это твое платье, – сказала Эми, показывая мне фотографию платья от Веры Вонг. Это было великолепное красное платье с V-образным вырезом и двумя тонкими ремешками, перекрещивающимися на спине. Вырез сзади был впечатляющий. – Тебе нравится?

Как будто это может не нравиться! Когда Дженна попросила меня стать одной из ее подружек невесты, я едва не расплакалась. Мы заключили договор: если я ее подружка невесты, она должна выбрать любое платье, которое не сделало бы меня похожей на торт ко дню рождения. И ведь она восприняла мою просьбу всерьез: платье было потрясающим.

– Кто еще будет подружкой невесты? – спросила я, не отрывая взгляда от этой завораживающей одежды.

Дженна посмотрела на меня с улыбкой.

– Вообще-то, я решила оставить только одну подружку невесты, – призналась она, ошарашив меня.

– Подожди... что? – воскликнула я с недоверием. – А твоя кузина, Джанина или Джанора, или как там ее...

Дженна встала со стула и направилась прямо к холодильнику, повернувшись ко мне спиной. Эми прошла мимо нас; затем повернулась, чтобы ответить на звонок, и отошла в угол кухни, чтобы лучше слышать.

Дженна достала клубнику с молоком и положила их на столешницу. Взяв миксер, чтобы сделать себе коктейль, она пожала плечами.

– Джанина невыносима. Мама почти убедила меня сделать ее подружкой невесты, но, когда узнала, что я не могу, призналась, что если выбирать между двумя подружками невесты

или одной, она предпочла, чтобы была только одна... Знаешь, она сказала, что так более гармонично.

Я закатила глаза; отлично, теперь я должна была стоять одна перед сотнями гостей, которые придут на церемонию, не имея никого рядом, с кем я могла бы поделиться своим несчастьем.

– Кроме того, знаешь... У Лайона будет только один друг у алтаря, поэтому мне не нужно беспокоиться, что это будет выглядеть странным: все будет идеально пропорционально.

Прежде чем я поняла, что только что сказала моя подруга, миксер внезапно прервал тишину, заглушая мои мысли.

Минуточку... только один друг и одна подруга у алтаря...

– Дженна! – крикнула я, вставая и пересекая кухню, пока не оказалась рядом с ней. Моя подруга смотрела на чашу миксера. Не отрывая взгляда от столешницы, я заставила ее посмотреть на меня. – Я посаженная мать, да?

На лице Дженны отразилось чувство вины.

– Прости, Ноа, но у Лайона нет отца, и ты, очевидно, знала, что Ник станет его посаженным отцом. Понимаешь, я не хотела делать мою маму посаженной, ведь отца Лайона не будет, чтобы сопровождать ее. Поэтому я решила, что так правильней, и мы позвали на эту роль наших лучших друзей.

Я зажмурила глаза.

– Ты знаешь, о чем просишь?

Мало того, что мне нужно было идти в церковь с Николасом, так еще и мы вместе должны теперь заботиться о том, чтобы все шло по плану. Мы не только должны встретиться на церемонии, но и на всех репетициях.

Я не осознавала этого, потому что думала, что Дженна уже выбрала свою посаженную мать, думала, что буду видеть Ника на расстоянии... Да, мы были бы в одном помещении, но нам не пришлось бы взаимодействовать друг с другом; теперь же мы будем рядом на протяжении всей церемонии, включая последующий ужин.

Дженна взяла меня за руки и посмотрела в глаза.

– Это всего на несколько дней, Ноа, – сказала она, пытаясь передать мне спокойствие, которое я даже не была настроена почувствовать. – Вы перевернули страницу, прошли месяцы... все будет хорошо, вот увидишь.

«Вы перевернули страницу...»

Пока что только один из нас это сделал; а я, наоборот, хваталась за воздух, который вдыхала, время от времени выбираясь на поверхность.

3 НИК

Я посмотрел на часы, которые стояли на столе в моем кабинете. Было четыре часа ночи, но я не мог сомкнуть глаз. Я не переставал думать о том, что произойдет через несколько дней. Черт... я должен был увидеть ее снова.

Я прищурился, разглядывая приглашение на свадьбу. В этом мире не было ничего, что я ненавидел сейчас больше, чем глупую церемонию, в которой два человека клянутся друг другу в вечной любви.

Я согласился быть посаженным отцом, потому что не был настолько мудаком, чтобы отказать, зная, что у Лайона нет отца, а его брат Лука – бывший заключенный, который даже не знает, впустят ли его в церковь. Но по мере приближения этого дня мне становилось все хуже, я все больше нервничал.

Я не хотел ее видеть... даже разговаривал об этом с Дженной, пытался поставить ее между молотом и наковальней, чтобы она выбрала одного из нас, но Лайон чуть не избил меня за то, что я поставил Дженну в такое положение.

Я придумал тысячу и одну отговорку, чтобы мне не пришлось присутствовать, но ни одна из них не могла оправдать то, каким же ублюдком я бы стал, бросив двух лучших друзей.

Я встал с кресла и подошел к панорамному окну, из которого открывался потрясающий вид на Нью-Йорк. Стоя на 62-м этаже, я чувствовал себя так далеко от всех... Так далеко, что ледяной холод полностью пробрал меня. Этот холод – я. Я айсберг.

Последние десять месяцев были кошмаром, я побывал в аду, сгорел и восстал из пепла, став кем-то совершенно другим.

Исчезли улыбки, исчезли мечты, исчезло чувство чего-то большего, чем просто плотское влечение. Стоя здесь, вдали от всего мира, я стал своей собственной тюрьмой, только своей, ничьей другой.

За спиной послышались шаги, а затем меня обхватили руки. Я даже не испугался, я больше ничего не чувствовал, я просто существовал.

– Почему бы тебе не вернуться в постель? – спросила девушка, с которой я познакомился всего несколько часов назад в одном из лучших ресторанов города.

Моя жизнь теперь сводилась к одному – работе. Я работал, зарабатывая все больше денег и не давал себе права на отдых.

Прошло всего два месяца с юбилея «Лейстер Энтерпрайзис», когда мой дед Эндрю решил, что устал от этого мира и хочет покинуть его. Когда мне позвонили, сообщив о его кончине, я наконец позволил себе сломаться. Именно в тот момент, когда у меня отняли еще одного человека, которого я любил, я понял, что жизнь – полное дерьмо: ты отдаешь свое сердце людям, доверяешь часть себя, а потом обнаруживаешь, что они не только не заботятся о нем, как ты надеялся, но и сжимают его до крови. А люди, которые действительно любили тебя, люди, которые с момента, как ты родился, тебя защищали, однажды решают покинуть этот мир, даже не предупредив, уходят без следа, а ты остаешься один, даже не понимая что случилось, задаваясь вопросом, почему им пришлось уйти...

Имейте в виду, он не ушел бесследно, нет: он оставил после себя очень важный документ, который радикально изменил мою жизнь.

Мой дед оставил мне абсолютно все. Не только дом в Монтане и все многочисленные поместья, но и «Лейстер Энтерпрайзис», полностью. Даже отец не получил своей части наследства, хотя ему это было не особо нужно – он уже руководил одной из лучших юридических компаний в стране, но дед завещал мне всю свою империю, включая «Корпорацию Лейстер» – компанию, которая вместе с компанией отца занимала большую часть финансового сектора

страны. Я всегда хотел быть частью финансового мира с дедушкой, но никогда не желал, чтобы все это свалилось с неба.

Внезапно я был вынужден занять ту должность, к которой так стремился, и официально стал владельцем империи, и все это в возрасте двадцати четырех лет.

Я настолько увлекся работой, доказал, что способен преодолевать любые препятствия, что могу быть лучшим, что в конце концов в моих возможностях уже никто не сомневался. Я достиг вершины... и все же я слишком увлекся.

Я повернулся, чтобы посмотреть на смуглую девушку, которая развлекала меня несколько часов. Она была стройной, высокой, у нее были голубые глаза и прекрасная грудь, но это было просто красивое тело. Я даже не помнил ее имени. На самом деле она уже должна была уйти, потому что я сразу дал ей понять, что просто хочу потрахаться и что, когда мы закончим, я с радостью вызову ей такси, чтобы выпроводить домой. Тем не менее, видя ее сейчас, после того, как я почувствовал себя настолько подавленным и рассерженным из-за всей этой ситуации, нужно признать, я ощутил острую необходимость снять хотя бы часть напряжения, которое, казалось, завладело всем моим телом.

Она начала ласкать мой торс, заглянув мне в глаза.

– Должна признать, что слухи о тебе не были беспочвенными, – сказала она, соблазнительно прильнув ко мне.

Я взял ее за запястья и остановил ласки.

– Меня не интересует, что обо мне говорят, – резко ответил я. – Уже четыре утра, через полчаса я закажу тебе такси, так что лучше тебе разумно воспользоваться временем.

Несмотря на грубость моих слов, девушка расплылась в улыбке.

– Конечно, господин Лейстер.

Я крепко сжал челюсть и просто позволил ей продолжать. Закрыв глаза и разрешил себе сиюминутное удовольствие и простое физическое удовлетворение, пытаясь заглушить чувство пустоты внутри. Секс больше не был тем, чем был, и для меня так... даже лучше.

4 Ноа

Спокойствие, которое окружало нас последние несколько дней, исчезло, как только в то раннее утро раздался звонок в дверь. Мы побывали в спа-салоне, ели свежие морепродукты в необычных ресторанах и часами загорали на солнце, чтобы кожа приобрела столь желанный бронзовый оттенок, от которого наверняка будут морщины на всю жизнь.

Эми, организатор мероприятия, позволила нам немного отдохнуть, чтобы мы смогли побыть подругами, в чем так нуждались. Но свадьба уже через несколько дней, а многочисленные гости вот-вот придут, поэтому было уже невозможно продолжать наше *dolce far niente*¹.

Дженна, казалось, все больше нервничала и показывала это, не переставая разговаривать и, прежде всего, вызывая Лайона каждый раз, когда у нее случался приступ тревоги. После нескольких месяцев подготовки к собеседованию в одну из фирм отца Дженны, он получил заслуженную должность администратора одного из филиалов, и все наконец устаканилось. Они оба сумели простить друг друга за прошлое и были влюблены больше, чем когда-либо.

В то утро я наконец-то увидела свадебное платье. Портниха приехала с Эми, чтобы Дженна примерила его для нанесения последних штрихов. Надо признать, платье было потрясающее, из белого кружева, приталенное, с расклешенной юбкой. Оно напомнило мне те платья, которые носят главные героини фильмов или модели в журналах и от которых у меня слюнки текли. Его разработала мать Дженны вместе с одной из самых дорогих портних в Лос-Анджелесе, и моя подруга выглядела в нем потрясающе.

Вскоре прибыла группа рабочих, которые отвечали за цветы у входа в дом, в соответствии, по словам Дженны, с цветочными мотивами свадьбы; была вторая группа, отвечавшая за угощения, которые встретят прибывающих друзей и членов семьи. В огромном саду готовился достойный восхищения предсвадебный прием.

Предсвадебный ужин будет через два дня в гостинице у залива. Думаю, понятно, что я очень нервничала. Я не была готова снова увидеть Ника, тем более что мы проведем с ним в одном доме целых два дня.

Вскоре стали прибывать взволнованные гости, они подходили к Дженне, расспрашивали о церемонии или просто сплетничали о платье и обо всем на свете.

Дженна пригласила близких друзей, а также самых близких родственников, особенно младших, остаться в особняке, поскольку взрослые предпочитали останавливаться в отелях, где юношеские выходки и пьянство, которыми мы все, несомненно, закончим в этот вечер, не нарушали их взрослого спокойствия.

Дженна стояла в окружении двоюродных сестер, когда через парадную дверь бесконечной вереницей стали входить работники кейтеринга. Я как раз проходила мимо входа, чтобы подняться в свою комнату и немного успокоиться, когда знакомая машина припарковалась у подъезда. Я подняла руку и прикрыла глаза от солнца, чтобы разглядеть, как выходит брат Лайона с той опасной улыбкой, которая, казалось, никогда не сходила с его лица.

Он прокрутил ключи от машины между пальцами и впился в меня взглядом, заметив, что я наблюдаю за ним с крыльца.

– Посмотрите, кто у нас здесь, – сказал он с кривой улыбкой, приближаясь к ступенькам. – Маленькая принцесса наконец-то нашлась.

Я закатила глаза. Лука никогда не нравился мне. Он провел несколько лет в тюрьме и, как рассказывала Дженна, все еще находил неприятности и проблемы, которые приходилось

¹ Сладкое ничегонеделание (*итальянский*). – Прим. пер.

решать Лайону. Хотя стоит признать, что Лука очень изменился с тех пор, как я последний раз видела его несколько месяцев назад на тех ужасных гонках, где Дженна порвала с Лайоном. Мы с Ником тоже тогда сильно поссорились. Но та ссора, как обычно, закончилась сексом. Сексом, который ничего не исправлял. Сексом, который просто помог отсрочить неизбежное: мы постепенно разрушали друг друга.

– Как ты, красавица? – сказал он, встав передо мной и заставив поднять на него взгляд. Лайон был крупным парнем, но и Лука был не меньше. Его татуированные руки могли отпугнуть кого угодно, но он ими гордился, мне же было плевать.

– Все хорошо, Лука, рада тебя видеть, – ответила я, делая шаг назад. – Дженна внутри, если хочешь поздороваться.

Лука посмотрел через мое плечо без особого интереса. Его зеленые глаза, такие же, как у его брата, опустились на мое тело, бесстыдно прошлись по белому платью и, прищурившись с улыбкой, вернулись к моему лицу.

– У меня будет время поздороваться с будущей невестой и поговорить о невестах... и женихах. Правда, что ты сейчас одна?

Его вопрос немного сбил меня с толку. И, поскольку я не хотела говорить о своей личной жизни, тем более с братом лучшего друга моего бывшего, который, несомненно, знал о том, что произошло, и точно о том, что я сделала, мое желание выбежать и запереться в своей комнате значительно возросло.

– Уверена, ты знаешь ответ на этот вопрос, – холодно ответила я. Напоминание о моем нынешнем положении укололо меня в грудь.

Как раз в этот момент появилась Дженна. Встретив улыбкой, чуть более приятной, чем моя, Луку, который раскинул руки для объятий.

– Привет, будущая невестка, – поприветствовал он, прижимая к себе. – Ты поправилась? Будь осторожна, не то в платье не влезешь.

Лука улыбнулся, Дженна вывернулась из его объятий и смерила пронзительным взглядом.

– Ты идиот, – сказала она, похлопывая его по руке.

Лука снова сосредоточился на мне.

– Я как раз спрашивал Ноа, где моя комната... Вы же знаете, я не привык жить в замках у пляжей и устал от поездки...

Дженна закатила глаза.

– Только тебе пришло в голову пересечь страну на машине. Никогда не слышал о летательных аппаратах, их еще называют самолетами?

Я раскрыла глаза от удивления.

– Ты приехал на машине из Калифорнии?

Лука кивнул, поправляя рюкзак, который нес на плече.

– Люблю придорожные рестораны, – сказал он, проходя между нами и входя в дом. – Куда идти?

Дженна покачала головой с улыбкой. В этот момент ее позвали на кухню.

– Ноа, отведи его наверх и скажи, что он может расположиться в комнате справа, той, что рядом с балконом.

– Но...

Дженна не стала слушать мои протесты, направившись по коридору в сторону кухни, оставив наедине с Лукой.

– Пойдем, принцесса, времени не так много.

Показав ему комнату и желая поскорее скрыться из виду, я повернулась, чтобы выйти за дверь и уйти в свою комнату, которая была всего в двух дверях, но Лука перехватил меня на полпути, пробравшись между мной и дверью.

– Пойдем на пляж, – предложил он с решимостью во взгляде.

– Нет, спасибо, – ответила я, пытаюсь увернуться от него и дотянуться до дверной ручки.

– Я не хочу здесь оставаться... Давай, не будь такой скучной, я угощу тебя хот-догом.

Я внимательно наблюдала за ним, пытаюсь понять его намерения. Лука не любил сидеть на месте, его было трудно контролировать, и ожидание гостей напрягало его больше, чем он хотел признать.

– Я не хочу хот-дог, я хочу пойти в свою комнату и почитать хорошую книгу, так что отойди, пожалуйста.

Он не послушал.

– Читать? – он произнес это слово так, словно это было оскорбление. – Будешь читать, когда умрешь. Давай лучше прогуляемся по этому шикарному месту.

– Лука, я не могу просто уйти, Дженне нужна помощь. Кроме того, мы не знаем окрестностей, а мне не хотелось бы заблудиться с тобой в Хэмптоне.

Лука повернул бейсболку козырьком назад и пристально посмотрел на меня.

– Заблудиться со мной – это лучшее, что может случиться с тобой, красавица, но это не то, что меня сейчас интересует; я просто хочу пойти перекусить в хорошей компании, а ты неплоха, несмотря на острый язычок.

Я скрестила руки и собиралась дать ему пощечину, как это делала Дженна, но он рассмеялся, прервав оскорбление, которое я уже хотела сказать.

– Шучу! Да ладно, не будь дурой, обещаю вернуть тебя в целости и сохранности, не дай бог, чтобы Дженна осталась без подружки невесты.

Как раз в этот момент группа родственников Дженны начала подниматься по огромной лестнице, а затем коридор наполнился оживленно разговаривающими людьми, так что идея Луки уйти уже не казалась такой ужасной.

– Я пойду с тобой при одном условии, – сказала я, пристально глядя на него без намека на улыбку.

Лука посмотрел на меня с ухмылкой.

– Все, что пожелаешь.

– Поведу я.

Вопреки ожиданиям, Лука совсем не возражал, что я сяду за руль его угольно-черного «Мустанга». Наоборот, казалось, был рад, что ему не нужно следить за дорогой и можно наслаждаться видом побережья. Солнце не спешило садиться, и дул приятный ветерок.

Нас окутала тишина. Мне нравилось ехать по проселочным дорогам. Лука явно сдерживался со мной: он не из тех парней, которые гуляют с девушками ради общения, но его намерения меня мало волновали. Наконец, через некоторое время бесцельной поездки, когда уже стемнело, я остановилась возле ларька с хот-догомами у моря. Вокруг него стояли столы, за которыми сидели две пары и родители с двумя маленькими детьми.

– Я проголодалась, – объявила я, вынимая ключи из замка зажигания.

Лука улыбнулся и вышел из машины. Я понаблюдала за ним со своего места у окна и поспешила догнать.

– Не знал, что ты можешь вести с механической коробкой, – заметил он, снял кепку, провел рукой по стриженным почти под ноль волосам и снова надел.

– Ну мы ведь почти незнакомы, так что неудивительно.

Я подошла к стойке, где продавалась вредная, но вкусно пахнущая еда. Взяла хот-дог в наборе с картошкой и «Кока-колой»; Лука заказал то же самое, но с пивом. Получив еду,

мы сели за один из столов. Было немного странно находиться в обществе брата будущего мужа моей лучшей подруги, бывшего заключенного с очень дурной славой, но нужно признать, что до сих пор он вел себя довольно прилично.

– Тебе не подходит такая диета, разве нет? – сказал он, указывая на мою тарелку.

– Тренируюсь, – ответила я, кусая хот-дог. Было вкусно.

Лука кивнул, сделал глоток пива, повернулся и уставился на меня.

– Ты сказала, что мы не знаем друг друга, почему бы нам не сыграть в игру «Двадцать вопросов»?

Я осторожно положила хот-дог на тарелку и на мгновение отвела взгляд.

Часть моего мозга уловила скрытый флирт в его предложении, но другая погрузилась в воспоминание о нашем сближении с Ником, когда мы играли в эту дурацкую игру, чтобы лучше узнать друг друга.

Воспоминание о том времени, когда мы были едва знакомы. Воспоминание о том, что я была с ним, не зная ни о его проблемах, ни о нем, почти побудило меня встать и убежать, чтобы запереться в своей комнате, откуда мне не следовало выходить. Но я сделала то, что было уместно в данных обстоятельствах: на секунду закрыла глаза, глубоко вздохнула и сосредоточилась на реальности.

Передо мной был привлекательный парень, который мне не нравился и доставлял неприятности в моей и без того сложной ситуации. Но он не знал, что независимо от того, что я делаю или говорю, ничто не сможет заставить меня трепетать, кроме взгляда Николаса Лейстера. Иногда я скучала по его взгляду, когда он смотрел на меня с любовью.

Лука помахал рукой перед моим лицом, чтобы заставить отреагировать, и я снова обратила внимание на него, на его татуировки и зеленые глаза, полные чрезмерного любопытства.

– Я позволю тебе задать только один вопрос, – ответила я, чтобы не показаться недружелюбной.

Лука улыбнулся, провел рукой по подбородку и склонился над столом.

– Если разрешается только один вопрос, мне придется перейти прямо к делу, – заметил он.

Я неловко откинулась на спинку стула. Думаю, это был первый раз за несколько месяцев, когда я была наедине с парнем, и мне не нравилось ощущение, которое я испытывала в животе, будто я делала что-то неправильное.

– Пойдешь со мной на свидание завтра вечером?

Его вопрос был ясен, но еще яснее был мой ответ.

– Нет.

Коротко и лаконично. Затем я встала из-за стола – мне больше не хотелось есть, – но он удержал меня за запястье, заставив встать рядом с ним и повернулся, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Почему нет?

– Потому что не могу.

Он бросил на меня недоуменный взгляд.

– Что ты «не можешь»? Что это за ответ?

Я пошевелилась несколько беспокойно, но он продолжал держать меня за запястье.

– Не хочу, – подтвердила я, устремив взгляд на его правое плечо.

Прошло несколько секунд, прежде чем он снова заговорил.

– Вижу... ты все еще любишь его, – сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно.

Я высвободила руку и сделала шаг назад.

– Это не твое дело, понял?

Лука поднял руки и рассмеялся.

– Ноа, я просто хотел предложить тебе пробежаться, хорошо? Ничего ужасного... Боже, мне говорили, что ты с характером, но... – мой взгляд, казалось, предупреждал, что ему не стоит продолжать. – Когда солнце сядет и будет не так жарко. Так мы спасемся от безумия, которое будет завтра, когда все гости придут. Да ладно, я просто ищу оправдания, чтобы сбежать из этого дома, ничего больше. Не смотри так, можешь продолжать любить кого хочешь, мне все равно.

Его ответ заставил меня обдумать его просьбу. Это ведь Лука, он безразлично относился к моей личной жизни, просто открывал рот и говорил первое, что приходило в голову.

Пробежка... я могла бы... Завтра будет скучно, скучно и безлично; к тому же кто приглашает на пробежку с другим намерением, кроме как просто составить компанию? Я стану потной и ужасной, так что буду в безопасности... не так ли?

– Просто пробежка? – спросила я и внутренне прокляла себя за неуверенный голос, который совсем не был похож на мой.

Лука слегка нахмурился, отпустил мое запястье и кивнул, улыбнувшись толстыми губами.

– Просто пробежка.

Я выдохнула и вернулась на свое место, ожидая, когда он закончит есть.

Следующие полчаса мы разговаривали о свадьбе и о других вещах, не связанных с ней, но, несмотря на это, я не могла избавиться от ощущения, что раскрыла себя перед ним. Он вернул меня в состояние неуверенности, над которой я работала месяцами, и мне было от этого неудобно.

До свадьбы оставалось всего полтора дня, а Лука прилип ко мне как репей. Мы вышли на пробежку, как договаривались, и, к моему удивлению, я осознала, что это меня не беспокоит: он погрузился в свои мысли, я – в свои. Мы бежали рядом, пока не добрались до гавани, а затем по пляжу. Нужно признать, что это был самый изящный способ сбежать из дома, куда прибыло так много гостей, что свободных комнат уже почти не осталось. Родители Дженны приехали накануне вечером, и я наконец-то почувствовала себя немного свободнее, оставив ее с ними. Ее мать – прирожденная хозяйка.

Они, казалось, были счастливы принять так много друзей и членов семьи, чтобы отпраздновать свадьбу своей старшей дочери.

Когда я была уже почти на пределе своих сил, Лука настоял, чтобы я поднажала. Но мои ноги сопротивлялись, и я едва не перешла на шаг.

– Да ладно тебе! – крикнул этот умник, пока я отставала. Так он мог смотреть на меня и смеяться одновременно. Я показала ему средний палец и попыталась проигнорировать, но пришлось остановиться, чтобы выпить воды и отдышаться. Через несколько часов наступит вечер, нужно принять душ и одеться, чтобы поужинать с гостями. Отец Дженны нанял кейтеринг и устроил непрерывный праздник под тентом со столами, полными угощений. Дом Тэвишей превратился в пятизвездочный отель, от которого, казалось, все были в восторге.

– Не будь тряпкой!

Я медленно выпустила воздух и вылила воду себе на голову. Розовый топ промок. Я вытирала пот, который стекал по моему животу и груди. Вытерла лицо руками и решила, что вернусь неспешным шагом – я и так слишком напрягла свое тело за сегодня.

– Отстань, придурок!

Лука покачал головой и подошел.

– Я думал, ты выносливее, принцесса. Ты меня разочаровала.

– Заткнись.

Вместе мы пошли по тротуару к дому Дженны. Шли по огромному склону, а вдаль быстро садилось солнце, окрашивая небо в невероятные цвета.

– Скоро «важный день». Нервничаешь? – спросил Лука, делая то же самое, что и я несколько секунд назад: выливая остатки воды в бутылке себе на голову. Он потряс бутылку, и капли воды, смешанные с потом, упали мне на тело и лицо. Я толкнула его рукой, и он улыбнулся идиотской улыбкой.

– Не я ведь выхожу замуж, Лука, – ответила я с притворным безразличием.

То немного, о чем мы говорили в течение этих двух дней, давало понять, что есть неприкосновенная тема, хотя, учитывая, что до свадьбы осталось всего ничего, я понимала его любопытство.

– Ты посаженная мать... твоя роль важна, – заявил он, глядя прямо перед собой.

Я не ответила, но нервозность, которую подавляла все эти дни, вернулась головокружением, заставляя мой желудок сжаться. Я не хотела спрашивать Дженну, когда он придет; я даже не была уверена, что он явится раньше дня свадьбы... Только в тот момент, когда наши друзья обменяются клятвами. Так даже лучше; я дрожала при мысли о том, что придется снова увидеть его.

Мимо нас проехала машина, едва не сбив меня, но Лука успел оттолкнуть меня в сторону.

– Придурок! – крикнул он, но черный «Лексус» уже исчез в конце дороги.

Я почувствовала странное ощущение в животе и поспешила в дом.

5 НИК

Было шесть часов вечера, а я все еще был в Нью-Йорке. Секретарь, которая отвечала за организацию моего расписания, ошиблась и назначила мне встречу с двумя напыщенными мудаками, которые просто тратили мое время.

Пришлось два часа отвечать на нелепые вопросы, и когда я наконец закончил встречу, то заперся в кабинете. Посмотрел на часы и понял, что приеду позже, чем первоначально предполагал. Ехать в Хэмптон сразу после часа пик было безумием, но я больше не мог откладывать свой приезд.

Стив ждал меня снаружи, когда я освободился.

– Николас, – сказал он, наклонив голову и взяв небольшой чемодан, который я протянул ему.

– Как на дороге, Стив? – спросил я одновременно со звонком мобильного.

Я игнорировал его несколько мгновений, пока садился в машину на пассажирское сиденье. Нужно было закрыть глаза на несколько минут и успокоить вихрь мыслей в голове.

– Как всегда, – ответил Стив, усаживаясь за руль и направляясь в восточную сторону города. Нам предстоит больше двух часов езды, если не будет сильных пробок.

Стив стал моей правой рукой. Отвечал за то, чтобы вовремя доставлять меня, за мою безопасность и помогал во всем. Он работал на семью с тех пор, как мне едва исполнилось семь лет, поэтому был одним из немногих людей, которые знали меня и знали, когда им следует говорить со мной, а когда промолчать. Он лучше, чем кто-либо другой, знал, с чем мне придется столкнуться в ближайшие дни, и поэтому я был благодарен ему за то, что он включил успокаивающую музыку, не очень медленную и не очень тихую, с идеальным ритмом, чтобы помочь мне убедить себя, что я не потеряю контроль на этой свадьбе; нет, я буду держать себя в руках, себя, свой характер и вообще все, что грозит обрушить башню из слоновой кости, в которой я сейчас нахожусь, высокую и далекую... Далекую от всех, особенно от *нее*.

Через полтора часа мы остановились, чтобы заправиться на затерянной посреди трассы заправке. После того, как я позволил себе немного поспать, начал чувствовать себя все более беспокойным и настоял на том, чтобы поменяться местами и сесть за руль. Стив, похоже, был не особо против. Кроме того, мне внезапно понадобилось, чтобы он поговорил со мной.

Двигаясь немного быстрее, чем было допустимо, мы начали говорить о матче «Никс» против «Лейкерс» и не успели за разговором заметить, как въехали в Хэмптон.

Когда мы въехали в эту часть штата Нью-Йорк, принесшую столько воспоминаний, меня захватили эмоции. Родители купили пляжный дом; это был свадебный подарок. Небольшой дом, не имеющий ничего общего с окружавшими его особняками. Мне вспомнились времена, когда мы втроем проводили лето вместе.

Если воспоминания меня не обманывают, думаю, этот дом был одним из немногих мест, где мы были по-настоящему семьей. Отец научил меня серфингу на пляжах Монтока, и я старался изо всех сил, чтобы он гордился мной.

С этими мыслями в голове я направился к дороге, ведущей к дому родителей Дженны. Когда мама уехала, отец каждое лето привозил меня в Хэмптон, и мы проводили его с Тэвишами. Именно тогда мы впервые поцеловались... Боже, как же я нервничал и как спокойна была Дженна. Для нее это был всего лишь эксперимент; а я чуть было не сбежал.

Это случилось под большим деревом на заднем дворе. Мы играли в прятки, и, когда я ее нашел, она схватила меня за рубашку и заставила спрятаться вместе с ней за огромным бревном.

– Ты должен сделать это сейчас, Ник; иначе будет слишком поздно.

Тогда я не понимал, что она имела в виду, но спустя годы я осознал, что рядом с этим деревом, прямо под этой кроной, отец Дженны сделал предложение ее матери. Дженна узнала об этом в тот же день, и ее мечтательная и романтическая натура, которую она изо всех сил пыталась спрятать, решила выйти наружу. По ее словам, этот поцелуй был отвратительным... но для меня это было началом, и с тех пор я не останавливаюсь.

С этими мыслями я нажал на газ. Я был настолько поглощен воспоминаниями, что потребовалось несколько секунд, чтобы поставить ногу на тормоз, увидев пару, которая прогуливалась, на середине дороги. Они были одеты в спортивную одежду, и, когда машина пролетела мимо них, превратив их в пятно, я почувствовал тяжесть в груди. Я посмотрел в зеркало заднего вида, и эта тяжесть превратилась в озноб.

6 Ноа

Я вышла из душа, оставив после себя огромное облако пара. Я была в ванной дольше, чем следовало, но мышцы были напряжены, как струны скрипки, так что мне нужно было расслабиться.

Я завернулась в полотенце, выглянула в окно и увидела, что на заднем дворе толпятся люди. Все были одеты в белое – идея отца Дженны была подхвачена гостями, – так что ужин превратился в вечеринку на Ибице в честь молодоженов.

Когда мы, потные и плохо пахнущие, добрались до дома, я встретила Лайона и Дженну, которые обнимались у крыльца. Судя по всему, он только что приехал, а Дженна уже выглядела удовлетворенной.

Лайон никогда не комментировал мой разрыв с Николасом; более того, он наотрез отказывался участвовать во всем, что имело отношение к нашему разрыву. Был момент, сразу после нашего расставания, когда я доставала бедного Лайона, чтобы он дал мне новый номер Ника. Он ни в какую не соглашался, Дженна тоже была непреклонной. Никто не хотел говорить со мной о Нике, хотя они поддерживали меня, когда я в этом нуждалась больше всего.

Поэтому, когда бы мы ни встретились с Лайоном, Дженна всегда была рядом.

Я отошла от окна и принялась торопливо приводить себя в порядок. У меня не было никакого белого платья, кроме пляжного, поэтому я надела юбку, которая была немного выше колен, и облегающую майку с лямками того же цвета. Немного подсушила волосы полотенцем, чтобы с них не стекала вода, но оставила слегка влажными, зная, что океанский бриз высушит их в считанные минуты.

Когда я спустилась по лестнице, чтобы пройти на задний двор, где уже все собрались, звонок заставил меня остановиться у балюстрады. Дом без Дженны (она была со своими друзьями и семьей) казался опустевшим. Если не считать официантов, которые вереницей выходили из кухни, неся морепродукты гостям снаружи.

Я подошла к двери и, повторив действие, которое делала с тех пор, как начали прибывать гости, открыла и заставила губы растянуться в приветственной улыбке.

Моя улыбка застыла, когда Стив поднял на меня взгляд. Казалось, он был так же удивлен, как и я, хотя секунду спустя сердечно приветствовал меня. Я почувствовала комок в животе, когда увидела его с чемоданами в руках.

Сердце забилось со скоростью в тысячу ударов в час. Я увидела, как из черного «Лексуса» вышел мужчина в костюме с солнцезащитными очками и телефоном у левого уха. Ник снял очки, бормоча что-то в трубку. Его глаза встретились с моими, и я испугалась, что сейчас потеряю сознание.

Он был таким... другим. Постригся, волосы больше не были такими длинными и растрепанными, какими я их помнила, с какими он вставал по утрам. Теперь его коротко подстриженные волосы были уложены, что придавало ему серьезный, даже пугающий вид. Его костюм еще больше подчеркивал новый образ бизнесмена. На одной руке повис пиджак, две верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, а рукава закатаны выше локтей, обнажая загорелые и еще более мускулистые предплечья с тех пор, как я видела его в последний раз.

Все это я успела заметить всего за несколько, только несколько секунд, а затем его глаза так яростно впелись в меня, что пришлось опустить взгляд, чтобы оправиться от возможности видеть его снова.

Когда я снова подняла взгляд, он больше не смотрел на меня; попрощался с кем-то по телефону, спрятал сотовый в карман и направился к двери, в мою сторону.

Я затаила дыхание, не зная, что делать и говорить, когда он встал передо мной и через пару секунд прошел мимо, даже не колеблясь, даже не оглянувшись. Я почувствовала, что снова умираю, будто месяцами и годами путешествовала по пустыне и вдруг прямо передо мной появился фонтан воды... Только через секунду пришло осознание, что это мираж, игра разума, который у меня еще оставался.

Слава богу, Дженна вернулась и спасла меня. Только когда я услышала, как Николас и Стив исчезли наверху, снова смогла войти в дом. Я сразу поспешила в сад вместе с другими гостями. Мне хотелось затеряться среди людей. Исчезнуть. Чтобы земля поглотила меня.

В голове пронеслась мысль, что прийти сюда было огромной ошибкой. Да, Дженна – моя лучшая подруга, но мне слишком тяжело. Прошло несколько месяцев, но всего один его взгляд перевернул весь мой мир с ног на голову.

Минут через десять я увидела, как он спускается по лестнице, разговаривая с молодоженами. Ник был единственным, кто решил отказаться от того, чтобы носить белую одежду. Он был в том же, в чем и приехал: в темных брюках и голубой рубашке с закатанными рукавами, но без галстука. В груди закололо, когда я увидела, как невероятно привлекательно он выглядел издалика.

Вскоре он смешался с толпой. Многие подходили поздороваться с ним, и он разговаривал с ними со свойственной ему элегантностью.

Я увидела, как Лука разговаривал с Ником и Лайоном, и поняла, что совсем одна: это не мое место, это не мои друзья... Только Дженна хотела, чтобы я была рядом. Мне стало так грустно, что пришлось приложить все свое самообладание, чтобы не заплакать. Я приняла решение собрать всю волю в кулак и забыть все, что я продолжала чувствовать к Нику, поскольку ничего не могу сделать, вернее, исправить. Может быть, время залечит его раны. Может быть, время заставит его перестать ненавидеть меня. Может быть, мы сможем справиться с этим как взрослые люди. Относиться друг к другу с добротой и уважением и даже когда-нибудь попытаться стать друзьями.

Знаю, звучит смешно, но либо так, либо броситься с балкона, и второй вариант, каким бы привлекательным ни был, явно не принесет мне никакой пользы. Поэтому я стала разговаривать с людьми и заставила себя расслабиться. Если буду держаться от него подальше, то не должно случиться ничего плохого, и мое сердце избежит невыносимой пытки.

Родители Дженны познакомили меня с другом семьи, партнером Грега, который очень любезно поговорил со мной о моей учебе и планах на будущее. Было заметно, что это кто-то важный, поэтому, когда он протянул мне свою визитку, я поспешила ее взять. Мое будущее было очень туманно, и чем больше вариантов у меня будет в запасе, тем лучше.

Я и не подозревала, что Линкольн Баксуэлл дружит с Николасом Лейстером. Мы мило беседовали, когда мистер Баксуэлл взмахнул рукой, подзывая кого-то за моей спиной. Когда я повернулась, передо мной появился Николас.

Они поприветствовали друг друга рукопожатием, и, когда Баксуэлл продолжил свою речь, я увидела, как был напряжен Ник: я его редко видела таким, так что говорить пришлось мне.

– Мы уже встречались, мистер Баксуэлл, – сказала я, ненавидя себя за дрожь в голосе, которая через полсекунды выдала мою неуверенность и неловкость.

Баксуэлл улыбнулся и посмотрел на нас. На несколько мгновений я задержала взгляд на Николасе, и мне было больно видеть холодность.

– В самом деле? Мы знакомы? – спросил он, не отводя глаз от моего лица. Я почувствовала дрожь, пробежавшую по позвоночнику, когда снова услышала этот серьезный голос, который все еще слышался мне во снах, этот голос, который так много раз говорил: «Я люблю тебя» и так много раз шептал комплименты.

Его взгляд так загипнотизировал меня, что я едва смогла открыть рот.

– Ты напоминаешь мне кого-то, кого я, кажется, когда-то знал... – заметил он холодно и безлично, затем повернул голову в сторону своего друга, развернулся и ушел, снова смешавшись с гостями.

Окружающий шум захлестнул меня. Сердце упало и разбилось.

На следующее утро я проснулась на рассвете. Я едва смогла заснуть, это оказалось почти невозможным... Я снова вспомнила тот день, когда все испортила. Тот проклятый день, когда сделала то, что до сих пор не понимаю, как могла допустить.

«Пути назад уже нет».

«Я даже не могу смотреть тебе в глаза...»

«Все кончено».

Лицо Николаса, когда он узнал, что я совершила с Майклом, навсегда в моей памяти. Я не могла даже думать о его имени, не чувствуя себя виноватой.

Я выбралась из постели и быстро оделась. Нужно проверить, смогу ли я выйти из дома, прежде чем кто-нибудь встанет и увидит, как я ухожу. Я даже не собиралась говорить Луке о том, что иду на пробежку. Мне нужно побыть одной, наедине со своими мыслями. Но больше для того, чтобы подготовиться к встречам с Николасом в течение следующих дней, и не только: нам ведь придется идти рядом до самого алтаря.

Пробежка была чудесной, утро, к счастью, пролетело быстро: нам пришлось сделать тысячу вещей, гости все еще прибывали, и нужно было подготовить предсвадебный ужин.

Чертов предсвадебный ужин.

Я не видела ни Николаса, ни Стива со вчерашнего вечера, и в эти минуты ждала вместе с родителями Дженны, когда она спустится с Лайоном, чтобы поехать к винограднику, где состоится свадьба. Те из нас, кто участвовал в церемонии, должны были отрепетировать выход. Если не сделать этого сейчас, вечером можно не успеть.

Как только Дженна и Лайон спустились по лестнице, входная дверь открылась, и появился аккуратно одетый в широкую белую рубашку и джинсы Николас. Я не знала, чем он занимался все утро и остаток вчерашнего вечера, но было совершенно ясно, что его главной целью было избегать меня.

– Ник, наконец-то ты пришел, я уже начала волноваться, куда ты пропал, – сказала мать Дженны, подходя к нему и целуя в щеку. Ник с трудом изобразил улыбку, чтобы ответить ей, и, напрягшись, начал крутить ключ от машины между пальцами.

Дженна встретила с ним взглядом, и я снова почувствовала тошноту. Черт, это настоящий ад.

Выйдя на улицу, мы поняли, что нас слишком много, чтобы ехать в одной машине. Были родители Дженны, мать Лайона, женщина с искренней улыбкой, которая поделилась со мной своим особым рецептом яблочного пирога, Лайон, Дженна и ее двоюродный брат, которому было не больше пяти лет, – он понесет кольца. И, конечно, Ник.

Нас было восемь и оставалось только молиться, чтобы меня не посадили в машину с Ником, но безрезультатно: родители Дженны и мать Лайона направились к «Мерседесу» рядом с другими припаркованными там машинами. Я посмотрела на Дженну, которая, держа за руку своего кузена, подошла ко мне с серьезным лицом.

– Дженна, даже не думай, – сказала я, начиная злиться. – Николас совершенно ясно дал понять, что не хочет быть рядом со мной, поэтому я и не думала садиться с ним в машину. Об этом не может быть и речи.

Подруга посмотрела на меня с виноватым выражением лица.

– Только у Ника есть детское кресло... ты же знаешь... он держит его для Мэдди, а я должна поехать с родителями...

Николас прервал ее, приблизившись в это же мгновение. Не обращая внимания на меня, он взял маленького Джереми на руки и подбросил его над головой.

– Готов стать моим вторым пилотом, малыш?

Джереми весело рассмеялся. Ник прижал его к своему бедру и пошел к машине. Дженна повернулась ко мне, прикусив губу.

Я покачала головой и прошла мимо нее к водительской двери «Лексуса». Не знаю, что случилось с его внедорожником, но и не думала спрашивать. Я устроилась на переднем сиденье, а Ник усадил мальчика сзади и дал телефон с включенной игрой. Я старалась не подавать вида, что нервничала из-за того, что оказалась с ним наедине. Его слова вчера вечером больно заделали меня, и мне было любопытно и страшно предполагать, как пройдут ближайшие полчаса.

Усевшись на свое место, он принялся поправлять зеркало заднего вида. Затем мы выехали на дорогу.

Вскоре запах его лосьона после бритья и одеколona полностью заполнили машину, и приятное, которое я всегда чувствовала в его присутствии, вновь дало о себе знать. Боже, рядом со мной сидел Ник, тот самый человек, о котором я тосковала больше всех на свете... Я умираю от желания прикоснуться к нему, поцеловать его. Ник был нужен мне больше, чем воздух. Я почувствовала, как все мое тело запылало, простое движение его руки на рычаге переключения передач заставило меня нервничать... Его рука свободно лежала на руле, а другая – на этом рычаге... Черт, почему так ужасно привлекательно видеть мужчину за рулем?

Не выдержав, я опустила окно, чтобы впустить воздух и стереть его аромат, но, как только его опустила, Ник закрыл окно и вновь наполнил салон своим ароматом. Я повернулась, чтобы посмотреть на него.

– Мне жарко, – сказала я, впервые почти за год обращаясь к нему напрямую. Я снова нажала кнопку, чтобы опустить окно, и поняла, что оно заблокировано.

Не говоря ни слова, Ник включил кондиционер, и мощный поток холодного воздуха ударил мне прямо в лицо. Хорошо, это уменьшит мою температуру, но его запах продолжал проникать в каждую часть машины, и я чувствовала, что у меня закружилась голова. Я беспокойно откинулась на кожаное сиденье и краем глаза увидела, что его взгляд сместился с дороги и на несколько секунд задержался на моих голых ногах.

Я не особо заморачивалась с одеждой, мои шорты обнажали ноги. Я заметила, как секунду спустя он вцепился в руль, отворачиваясь и снова сосредоточившись на дороге.

Звук игры Джереми сопровождал нас всю дорогу, и я понимала, что это была уникальная возможность поговорить с Ником, не опасаясь, что он выбросит меня посреди дороги. Однако с ребенком за спиной нужно контролировать свое поведение... и слова.

– Николас, я хотела тебе сказать...

– Меня это не интересует, – прервал он меня, сворачивая на дорогу, которая вела к огромному озеру.

Я глубоко вздохнула и приготовилась к разговору.

– Ты не можешь вечно игнорировать меня.

– Я этого и не делаю.

Я посмотрела на него, не в силах вынести резкий тон, которым он говорил со мной. Мы не разговаривали почти год. Мне нужно было, чтобы он что-то сказал, нужно было поговорить с ним.

– Ты не можешь продолжать ненавидеть меня.

Горький смешок сорвался с его губ.

– Если бы я ненавидел тебя, это означало бы, что я все еще чувствую к тебе что-то, Ноа. Не волнуйся, я чувствую не ненависть, а равнодушие.

Я посмотрела на его профиль, пытаюсь увидеть какие-либо признаки, указывающие на то, что он лжет... но не нашла ни одного.

– Ты так говоришь, потому что хочешь причинить мне боль.

– Если бы я хотел причинить тебе боль, я бы трахнул другую, когда был с тобой... Подожди-ка, это ведь сделала ты.

Это был удар ниже пояса, но нельзя отрицать, что я этого не заслужила.

– Если мы хотим пережить следующие несколько дней, нужно установить какое-то подобие перемирия... Я не смогу продолжать, если мы даже не сможем находиться в одной комнате.

Я не знала, что происходит в его голове, никогда не могла знать. Я чувствовала такое только в моменты, когда была близка с человеком. А по-настоящему близка я была только с ним.

– И что ты предлагаешь, Ноа? – сказал он, поворачиваясь ко мне и давая увидеть ярость во взгляде. – Сделаем вид, что ничего не произошло? Я возьму тебя за руку и притворюсь, что люблю тебя?

Я промолчала. «Притворюсь, что люблю тебя...» От его слов мое и без того израненное сердце снова закровоточило.

Позади внезапно наступила тишина, и, повернувшись, чтобы взглянуть на Джереми, я увидела, что мальчик смотрит на нас широко раскрытыми глазами.

– Сколько еще ехать? – спросил он, надувшись.

«Черт! Нет, пожалуйста, не плачь, только не сейчас».

– Спокойно, Джереми, хочешь, я включу музыку? – предложил Николас, одновременно протягивая руку, и на всю громкость зазвучал рэп.

Мальчик весело улыбнулся, а я снова посмотрела вперед: было ясно, кого он хотел этим заткнуть.

7 НИК

Для меня Ноа всегда была наркотиком, чертовым наркотиком, который одурманивал одним своим присутствием. Она будто звала меня. Превращала меня в гребаного наркомана, в какого-то слабака.

Было так тяжело расставаться с ней, так больно понимать, что больше не прикоснусь к ней, что больше не буду целовать ее и заботиться о ней. Что она не будет больше женщиной всей моей жизни... После боли пришла ненависть. Такая сильная, что даже мне стало страшно. Я открылся ей, отдал свою душу и сердце, а она сделала именно то, чего я боялся больше всего: обманула меня. Я много думал обо всем, что могло пойти не так, но никогда мне не приходило в голову, что Ноа сможет позволить другому парню прикасаться к ней. Я даже подумать не мог об этом чертовом психологе. От одного воспоминания о нем меня захватывал водоворот ярости и неконтролируемого безумия.

Этот парень трогал мою девушку, раздевал ее... Эти образы, эта безжалостная реальность полностью сломали меня. Никогда в жизни я не чувствовал себя так плохо, так не погрузился в страдания... Вокруг меня образовалась такая стена, что я стал другим человеком. Во мне больше не хватало места ни для чего, кроме злобы. Остатки любви я направил на младшую сестренку. И больше ни на кого.

Я делал все, чтобы больше не пришлось видеться с Ноа, но эта ситуация для меня стала последней каплей. Я был так зол на нее... так зол... потому что, увидев ее, снова почувствовал что-то. Снова почувствовал, как сердце учащенно забилось, а дыхание стало прерывистым. Я ненавидел это чувство, ненавидел любое чувство. Я привык не чувствовать. А теперь Ноа вернулась и снова мучала меня, заставляя хотеть затащить ее в мой персональный ад.

И вот она рядом, такая же чертовски неотразимая, чертовски соблазнительная, как всегда... Но теперь она сжималась в моем присутствии и смотрела на меня без того блеска или превосходства, которые раньше всегда сопровождали каждое ее слово. Ноа тоже изменилась. Она не была прежней, и мне ужасно не нравилось жалеть, не нравилось видеть, что случилось с нами, и не нравилось винить ее.

Когда я остановил машину, она тут же вышла. Расстегнула ремень Джереми, вытащила его и, не дожидаясь меня, направилась к винограднику. На ней были шорты и простая желтая блузка, и она уже успела сломать все барьеры, что я выстроил.

В машине остался ее запах. Аромат, который исходил только от нее. Запах, о котором я все еще иногда мечтал по ночам и который заставлял меня просыпаться с эрекцией и желанием убить кого-нибудь... Этот гребанный запах теперь был в каждом углу моей машины, и хуже всего то, что в глубине души я им наслаждался, как алкоголик, делающий глоток бренди после многих лет воздержания. Я даже не открыл окна, даже не смог отогнать мысли о том, что сделал бы с ней, чтобы утолить постоянную потребность в ней.

Я поднял глаза к тому месту, где вскоре поженятся мои лучшие друзья, и не мог поверить, что это произойдет. Я узнал, что Лайон сделал Дженне предложение через месяц после того, как мы с Ноа расстались. Мой друг хранил этот секрет весьма профессионально, и я ему за это благодарен. Я был рад за них, но, с другой стороны, это было все равно что залить мои раны спиртом.

Виноградник Кори Крик был прекрасным местом для женитьбы. Я много раз тут бывал, чтобы прогуляться по виноградникам и прикупить хорошего «Мерло». Дженна и ее отец брали меня с собой. Я вспомнил, как катался на лошадях по полям и наблюдал за свадьбами, которые проводились в нем. Один из владельцев был другом моего отца и Грега, поэтому нам разрешалось чуть больше, чем остальным.

Вскоре появилась Дженна и указала нам, куда мы должны идти, пройдя сначала через симпатичный ресепшн с высокими деревянными балками и коврами из шкур животных, на которых наверняка охотился сам хозяин. Внутри были масляные лампы и высокие хрустальные люстры, немного устрашающе подвешенные над нашими головами. Дженна стала донимать расспросами азиатку, которая выглядела напряженной; через несколько минут ее представили мне как Эми, организатора свадьбы.

Когда мы вошли на задний двор, где были виноградники, я полностью уверился, что свадьба будет великолепной, как те, на которые я смотрел издали, или даже лучше.

Украшенный цветами алтарь стоял прямо перед огромными виноградниками, которые тянулись до горизонта под жарким июльским солнцем. Скамейки и цветы еще не были полностью расставлены, но я уже мог понять, как все будет выглядеть.

– Посаженные? – спросила Эми, глядя на нас.

Ноа сделала шаг вперед, посмотрела на меня и стала слушать организатора. Через минуту Эми схватила меня за руку и указала, где нам следует расположиться. Мы стали репетировать очередность появления пар. Первыми вошли Лайон с матерью; затем мама Дженны взяла Джереми за руку: тот, казалось, хотел сделать все, чтобы привлечь внимание Эми; затем мы и, наконец, Дженна с отцом.

Я встал рядом с Ноа и всеми силами пытался скрыть свое плохое настроение.

Когда Эми встала перед нами, видя, что мы единственные, кто едва прикоснулся друг к другу, она нахмурилась и недобро посмотрела на нас.

– Какого черта вы делаете?

«Без понятия, красавица, без понятия».

Я почувствовал взгляд Ноа на своем лице, и мне пришлось сосчитать до десяти, чтобы не послать все это к черту и не свалить.

8 Ноа

Николас избегал меня как прокаженную. Когда Эми посмотрела на нас, как на идиотов, я чуть не умерла от стыда.

– Ноа, возьми его за руку, – бодро сказала она.

Я повернула к Нику лицо, опасаясь его реакции, но он просто смотрел вперед и, взмахнув рукой, велел мне делать то, что просят.

Я почувствовала его твердую руку, и разряд тока, казалось, пронзил нас обоих. Я подняла взгляд и увидела, как он на мгновение закрыл глаза. У нас не было времени проанализировать наши чувства, потому что Эми заставляла нас повторить выход раз десять, требуя, чтобы мы шли ровным строем, начинали с правой ноги, не слишком медленно или слишком быстро... Малыша Джереми было трудно поймать. Когда мы повторяли дефиле в третий раз, он решил, что ему скучно и что он хочет пойти поиграть.

Мне было очень плохо, Николас даже не смотрел на меня; более того, он делал вид, будто меня вообще не существует. Я была так напряжена, что выпустила его руку. Остальные, напротив, смеялись, болтали и дурачились, когда Эми не смотрела.

Наконец стемнело, и мы больше не могли продолжать репетировать. Мы не слишком убедили Эми, но, по крайней мере, Дженна и Лайон усвоили план и что они должны делать в каждый момент.

Джереми уже давно упал в объятия Морфея, так что спокойно спал на заднем сиденье машины, и мы с Николасом остались наедине.

Сначала воцарилась тишина, он даже не удосужился включить радио. Дорога была прямой, а небо таким же черным, как мои мысли. Мы были вместе в таком маленьком пространстве, что меня переполняли чувства. Я будто тонула, не вынося его безразличия. Мне хотелось, чтобы он узнал, что я продолжаю чувствовать. И все равно, что он больше не может меня даже видеть. Все равно, что его любовь ко мне превратилась во что-то уродливое; я должна была что-то сделать.

– Ник... – сказала я, глядя вперед.

Я поняла, что он меня услышал, хотя и говорила едва слышным шепотом.

– Я все еще люблю тебя.

– Заткнись, Ноа, – приказал он, выпуская воздух сквозь зубы.

Я повернулась, сердце сжалось в груди. Он продолжал смотреть вперед, его челюсть была так напряжена, что я испугалась того, что он может сказать. Но нельзя опускать руки, нужно сказать ему.

– Я все еще люблю тебя, Николас...

– Я сказал, заткнись, – прошипел он, поворачиваясь и окидывая меня гневным взглядом. – Думаешь, меня волнуют твои чувства ко мне? – продолжил он, уже совершенно выйдя из себя. – Твои слова ничего не стоят, так что не трать их понапрасну. Завтра пройдет церемония, и нам больше не придется видеться.

Какая же я дура. На что я рассчитывала? Что он скажет, что чувствует то же самое?

По моей щеке скатилась слеза, я смахнула ее, но появилась еще одна, а потом еще.

Он больше не любит меня, Николас больше не любит меня. Он хочет, чтобы я исчезла из его жизни, хочет забыть все, что мы пережили, забыть то время, когда он поклялся любить меня. Он ясно дал понять, что наша жизнь закончилась.

Да, мы расстались десять месяцев назад, и все эти месяцы не виделись и не разговаривали. Но в глубине души я отказывалась думать, что все кончено, хотела увидеть его снова, узнать, что он по-прежнему любит меня так же, как я его.

Как же я ошибалась...

Во время предсвадебного ужина я ни с кем не разговаривала. Я села рядом с Лукой, и он стал говорить за нас обоих. Как только я улучила возможность, то убежала в свою комнату и наконец дала волю слезам, рыдая в подушку, пока не заснула. Я не могла забыть каждое мгновение, каждое прикосновение, каждое сказанное слово и каждую совершенную ошибку.

Было так больно от того, что Ник далеко. Казалось, сердце истекает кровью, будто каждая слеза, падающая на подушку, – это капля крови прямо из моего сердца.

На следующее утро я была очень измотана. И хуже всего было то, что это был день свадьбы. День, когда моя улыбка должна была быть великолепной, когда я должна предстать в лучшем свете, должна быть лучшей посаженной матерью и должна быть со всеми до самой ночи, что, учитывая мою усталость, было почти невозможным подвигом.

Я умылась холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. Осознала, насколько сильно изменилась за все эти месяцы. Мой взгляд был другим. Теперь он был безжизненным и печальным. Очень хотелось верить, что я смогу выбраться из этого. Я говорила с психологом часами, бесчисленное количество раз. Он убеждал меня, что то, что произошло с Николасом, не должно означать, что похожее произойдет в будущем. Что в мире тысячи мужчин. Что я молода и красива, и кто-нибудь влюбится в меня. Вот только при одной мысли о сближении с кем-то другим я вздрагивала. Одного воспоминания о том, как я была с другим мужчиной, было достаточно, чтобы понять, как опасно связываться с кем-то, кроме Николаса. Я впиалась взглядом в зеркало и заставила себя собраться с мыслями. Так продолжаться не может, нужно потерпеть только один день. Один день, и я больше его не увижу... Вновь почувствовав укол в груди, я снова посмотрела в зеркало и заставила себя успокоиться.

«Все кончено, Ноа, забудь о нем. Забудь и двигайся дальше... Сделай это либо сейчас, либо уже никогда».

Этот внутренний слабый голос преследовал меня все утро. К счастью, Николас был на винограднике с Лайоном – они готовились там. Я была с Дженной в доме, мы должны были ехать последними. Даже ее родители ехали отдельно. Когда Дженна была готова, она выглядела настолько ошеломляюще, что у меня перехватило дыхание, и я не могла удержать слезы, мысленно поблагодарив визажистов, занимавшихся нами тем утром, что они использовали водостойкие средства, защитив макияж от всего, что способно его испортить.

Красное платье, сшитое на заказ, безупречно на мне сидело. Оно было такого цвета, потому что все вокруг было заполнено красными розами, и букет, который Дженна держала в руках, был из этих цветов. Платье было великолепным, из шелка и кружева, длиной до пола, с вырезом с одной стороны, открывавшим мою ногу. Спереди был V-образный вырез, верхняя часть груди и рук была покрыта тонким кружевом, таким же, какое было у Дженны на свадебном платье. Ее платье было потрясающим, и, конечно же, оно удивительно гармонировало с цветом ее лица и идеальной фигурой. Лайон будет в восторге, это точно.

Дженна взволнованно посмотрела на меня, а я всеми силами старалась скрыть свое состояние, чтобы она не поняла, насколько мне плохо. Я потратила все силы на ее поддержку и успокоение. Мы смеялись, пили шампанское, я внимательно прислушивалась к ней, стараясь уловить малейшую ноту беспокойства, готовая помочь в любой момент.

Вскоре пришла Эми и сказала, что пора.

Я тоже ужасно нервничала, но старалась скрыть это. На эту свадьбу съехались сотни гостей, среди них были очень важные люди. Я подумала, что, если бы это была моя свадьба, я бы не вынесла такого количества наблюдателей за моим проходом к алтарю. Я никогда не представляла себе день моей свадьбы, но он точно не будет проходить вот так.

У ворот нас ждал белый лимузин, я помогла Дженне спуститься по ступенькам, чтобы она не споткнулась. Когда мы устроились на заднем сиденье, салон наполнился тюлем и кружевами. В голову пришла забавная мысль, и я едва сдержала смех.

– Кто бы мог подумать, что мы окажемся здесь после пощечины, которую ты отвесила Лайону в ту ночь, – все-таки сказала я, не в силах сдержаться.

Дженна тоже рассмеялась и была настолько великолепна, что этот образ навсегда запечатлелся в моей памяти. Со мной навсегда останется воспоминание, в котором мы обе громко смеемся в лимузине, немного пьяные от шампанского и нервничающие. Дженна была так безумно влюблена и счастлива.

Когда мы добрались до виноградника, организатор указал, куда нужно идти. Мы вышли прямо в то место, где был установлен алтарь, и стали ожидать начала. Было слышно, как гости разговаривали, должно быть, они волновались так же, как и мы. Когда отец Дженны направился в нашу сторону, даже мне стало немного спокойнее. Присутствие ответственного взрослого, несмотря на сопротивление наших внутренних девочек-подростков, в такие моменты всегда успокаивало.

Мистер Тэвиш засветился улыбкой и посмотрел на дочь так по-особенному, что у меня кольнуло в сердце. Дженна поцеловала отца в щеку и, держа его за руку, последовала за Эми к воротам, через которые они величественно вышли. Мы с Николасом должны были идти первыми.

Я начала искать его, но Ника не было. Я выскочила за дверь и чуть не врезалась ему в грудь. Подняла глаза и столкнулась с ним взглядом. Мне всегда было больно на него смотреть, но в этот раз боль сопровождалась обидой и гневом – вспомнились слова, которые он сказал мне прошлой ночью. Казалось, мне удавалось сдерживать эту обиду, чтобы не испортить вечер, ну, по крайней мере, я очень старалась.

На несколько мгновений он застыл, разглядывая мою фигуру, и очень удивился, когда, дойдя до моих глаз, увидел, что я хмурюсь.

– Выходим через две минуты, – сказала я и развернулась к двери. Я почувствовала его взгляд. Почувствовала, как его глаза впелись мне в спину и в затылок. Мои волосы были собраны в высокий хвост выющихся прядей, доходивших до середины спины. Зная его вкусы и даже понимая, что он ненавидит меня изо всех сил, мне казалось, что мое кружевное платье сводит его с ума.

Что бы ни случилось между нами, мы никогда не перестанем хотеть друг друга. Одного взгляда на его синий костюм, серый галстук, белую рубашку и невероятное тело хватило, чтобы сломать мою защиту... Боже! Почему он всегда так чертовски хорош?

Почему он не похудел на семь килограммов, как я? Почему не растерял ауру вечного превосходства? Почему его глаза не опухли от бесконечных слез, как у меня? Почему они все того же невероятного небесного цвета, от которого намокла бы любая девушка?

Я вошла в притвор и увидела, как Эми помогает Дженне с платьем, и ее ассистентку, инструктирующую тех, чей выход был уже через несколько минут. За воротами зазвучала музыка, и я почувствовала, как чья-то рука легла мне на поясницу, даже немного ниже...

Прежде чем я успела что-либо сказать, Эми позвала нас, чтобы мы встали первыми. Николас мягко подтолкнул меня, и мы оба оказались перед закрытыми воротами.

Пришлось сделать глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

– Возьми меня за руку, Ноа, – попросил Николас, и, клянусь богом, от его шепота, произнесшего мое имя, у меня побежали мурашки. Прошло так много времени с тех пор, как я в последний раз его слышала...

Я тут же взяла его руку и заметила, как он напрягся. Мы стали ждать, когда начнется свадебная музыка. Как только она заиграла, мы направились к алтарю – это последнее, что мы сделаем вместе.

Все было просто чудесно. Лайон чуть не заплакал при виде Дженны, да и мне было трудно сдержать слезы. Черт побери, почему я такая чувствительная?

Мои друзья прочитали обеты, сказали друг другу «да» и соединили свои жизни. Когда они наклонились, чтобы слиться в невероятном поцелуе, который заставил покраснеть не одного гостя, я посмотрела на Николаса, и, к моему удивлению, он тоже посмотрел на меня. Мы смотрели друг на друга, и все вокруг исчезло. В тот волшебный миг были только мы. Только мы были важны. Неужели сегодня наш последний вечер? Наконец, я отвела глаза, потому что от его взгляда у меня задрожали ноги.

Мы должны были уйти вслед за молодоженами, и когда я взяла его за руку, то испугалась, что это будет мой последний физический контакт с ним, простое прикосновение, мы даже не коснулись друг друга по-настоящему. Но это должно было стать последним, что мы сделаем вместе. Мне было так больно осознавать это, что, когда мы прошли через ворота, я почти сразу же отпустила его и ушла. Нужно было успокоиться, и причем быстро.

9 НИК

Я наблюдал за ней. Ей было не по себе. Я не мог отвести от нее взгляд на протяжении всей церемонии и даже не заметил, что молодожены соединили свои жизни, пока аплодисменты не вырвали меня из мыслей.

Черт... почему она так невероятно красива? Почему так сильно сводит меня с ума? Пришлось сдерживаться от желания прикоснуться к ней, и от осознания невозможности коснуться ее настроение мгновенно испортилось. Когда она остановилась в притворе, где все готовились к выходу, в платье, так эффектно облегающем фигуру, с проклятым кружевом, подчеркивающим каждый изгиб, моя рука автоматически потянулась к ней, и когда я коснулся ее нижней части спины, то снова почувствовал себя живым после этих десяти чертовых месяцев забвения.

Я не мог дождаться, когда закончится весь этот спектакль. Хотелось уйти, вернуться в ту жизнь, где все было под моим контролем. Ноа навсегда изменила мой мир, перевернула его с ног на голову, и я полностью находился в ее власти. Но этого больше не повторится. Когда она мгновение спустя отошла, сразу стало легче. Невыносимо было находиться с ней рядом.

Вскоре начался праздник. По другую сторону виноградника был установлен огромный белый шатер, в котором стояли столы с белыми скатертями, украшенные тысячами красных роз. Нетрудно догадаться, какой у Дженны любимый цветок. Мне было немного завидно смотреть на нее и Лайона, когда они мило беседовали с гостями. В главный зал зашло множество пар, официанты перемещались между гостями, предлагая то канапе, то бокалы холодного розового шампанского.

Вскоре мы прошли в обеденный зал, а я, как идиот, стал искать глазами Ноа. Ее нигде не было.

«Черт, она больше не твоя, забудь об этом».

Слушая свой внутренний голос, я наткнулся на брюнетку с большими зелеными глазами, которая вскоре пустила в ход все свое оружие, чтобы попытаться соблазнить меня. Я едва обратил на нее внимание, и, когда она заявила, что мы уже знакомы, все же пришлось на ней сфокусироваться, чтобы не показаться грубым.

– Прости... не помню, – сказал я, даже не прилагая усилий, чтобы узнать ее.

Девушка подошла ближе, вторгаясь в мое личное пространство и пропитывая его своими дорогими и слишком сильными духами.

– Да ладно, не прикидывайся дурачком... это была одна из лучших ночей в моей жизни, – сказала она, и я наконец вспомнил, что трахал ее около месяца назад.

Я понятия не имел, как ее зовут, и собирался уже попрощаться, не думая о том, покажусь ли я грубым. И тут я наконец увидел Ноа по другую сторону комнаты, Лука взял ее под руку, и она улыбалась ему так, как умела только она.

Ревность, так долго дремавшая, проснулась с яростью голодного льва, и мне пришлось медленно выдохнуть, чтобы не потерять контроль над собой.

Это был не первый раз, с тех пор как я приехал в Хэмптон. Когда я понял, что та девушка, которая шла по дороге с каким-то парнем, была Ноа, у меня случился такой сильный нервный срыв, что я провел два часа, избивая боксерский мешок в спа-салоне Хилтона, пока не почувствовал себя готовым отправиться в дом Тэвишей.

Стив бросил на меня упрекающий взгляд, давая понять, что нельзя ни с кем ссориться, что нужно быть паинькой. Я ведь теперь владелец компании, мне нельзя ввязываться в скандалы. Тем более из ревности. По этой причине я держался подальше от всех, работал и разговаривал только с экономистами, банкирами и инвесторами, и лишь изредка приводил какую-

нибудь женщину, только для того, чтобы расслабиться. Хотя все мои проблемы сводились к одному имени: Ноа.

– Ты правда меня не помнишь? – настаивала брюнетка, снова привлекая мое внимание. Ноа стояла с Лукой, а его рука легла ей на спину.

Нужно было отвлечься, сейчас же.

– Конечно помню, – сказал я, взяв ее за руку и двигая так, чтобы я мог говорить с ней и одновременно следить за Ноа.

Она, словно зная, что я наблюдаю за ней, подняла голову и посмотрела на меня.

Я улыбнулся, как идиот, которым и был, и посмотрел на брюнетку.

– Хочешь потанцевать? – спросил я, снова переводя взгляд на Ноа, которая теперь, казалось, сосредоточилась на Луке.

Он отвел ее в угол, где Ноа вдруг рассмеялась. Но я понимал, что это просто из вежливости.

Я положил руки на талию девушки и попытался сосредоточиться на ней, что было трудно, ведь Ноа была совсем рядом. Теперь, когда брюнетка подошла поближе, я вспомнил, где мы виделись: в одном из ночных клубов в центре. Да, точно, мы познакомились на какой-то закрытой вечеринке.

Я провел рукой по спине девушки и остановился на затылке.

– Хочешь пойти наверх? – прошептала девушка.

«Наверх». Предложение было заманчивым, но проблема заключалась в том, что я абсолютно ничего не чувствовал к ней, по сравнению с тем, что разбудила во мне Ноа. Простое прикосновение ее руки несколько часов назад вызвало у меня такую эрекцию, которую я едва мог скрыть, а эта девушка... эта девушка была полной ее противоположностью. Противоположностью во всех смыслах.

– Не сейчас, может быть, позже, – ответил я, останавливаясь, когда песня закончилась.

Вскоре объявили, что ужин подан.

К счастью, я не сидел за одним столом с брюнеткой. Меня посадили за стол жениха и невесты, рядом с родителями Дженны, матерью Лайона, с Ноа и Лукой. Она едва взглянула в мою сторону, когда мы сели и нам подали первое блюдо. На самом деле весь ужин она разговаривала с Лукой и другими, смеялась, делала вид, что не знает меня, будто меня не существует.

С тех пор, как мы встретились два дня назад, всякий раз, когда я оборачивался, замечал, как она смотрит на меня. Всякий раз, когда мы были вместе, она, казалось, хотела заговорить со мной. А когда она сказала, что все еще любит меня, я едва не потерял сознание.

«Любит? Вот дерьмо!»

Мой бокал громко грохнул о стол, и почти все присутствующие прекратили разговоры и уставились на меня. Я извинился, встал и направился в сторону туалета.

Почему мне вдруг неприятно, что Ноа смотрит на меня? Было ужасно чувствовать, что она преследует меня взглядом, видеть сожаление в ее глазах, боль, которую она чувствовала... Ужасно чувствовать себя виноватым, когда я ни в чем не виноват, и теперь я был зол. Зол, потому что она, казалось, испытывала меня, чтобы увидеть, как, черт возьми, я буду выпутываться.

Я знал только одно: ей не стоило так со мной поступать.

10 Ноа

Я старалась держаться от него подальше. Всеми силами заставляла себя не смотреть на него украдкой. Лука очень помог мне. После церемонии я отделилась от всех. Нужно было побыть несколько минут наедине, чтобы прийти в себя. Он протянул мне руку, помог встать и сказал что-то нелепое, что вызвало у меня улыбку.

Кто бы мог подумать, что брат Лайона может быть таким забавным? Он пообещал, что не оставит меня одну, он смеялся надо мной, говоря, что я похожа на маленькую собачку Николаса, и что я все время смотрю на него глазами ягненка. Я не была такой. Но если уж Лука заметил, то наверняка и Николас тоже.

Не думаю, что я смущала его. Не хотелось, чтобы он чувствовал жалость ко мне. Чтобы он хоть что-то чувствовал ко мне. Мы договорились: Лука будет моим спасателем на протяжении всего вечера, мы будем вместе, чтобы избежать любого соблазна сдаться и просить у Николаса прощения, что приходило мне в голову много раз с тех пор, как мы снова встретились.

Когда я увидела, как он танцует с той девушкой, как он с ней дурачится, я почувствовала укол в сердце. И, если я чувствовала себя так из-за простого танца, страшно даже подумать о том, что он чувствовал, узнав, что я переспала с другим.

Я не дуручка. Я прекрасно понимала, что Николас не соблюдал целибат после нашего разрыва. Я была уверена, что список девушек, с которыми он переспал за это время, стремился к бесконечности.

Лука увидел, как я наблюдаю за Ником, выругался и шлепнул меня по бедру. Я отпустила Ника и сосредоточилась на людях перед собой. Конечно, все усложнилось, когда нас усадили за один стол. Время от времени мой взгляд возвращался к нему, и каждый раз, когда я это делала, Лука щипал меня под столом. В итоге мне стало так щекотно, что я рассмеялась. В этот момент Николас чуть не разбил бокал, с грохотом поставив его на стол. Он встал и исчез в направлении туалетов.

– Он ревнует, – заявил Лука, неохотно наблюдая за Ником.

«Ревнует?»

– Нет... он просто не выносит меня, – удрученно возразила я, затем сделала глоток из бокала с шампанским.

Николас появился вместе с девушкой, повисшей на его руке. Люди начали вставать из-за столов, так как зазвучала музыка, приглашая всех танцевать. Жених с невестой открыли вечер первым танцем, и вскоре атмосфера полностью преобразилась: свет изменился, площадка заполнилась танцующими, у большинства в руках были крепкие коктейли.

Лука потянул меня за собой, чтобы потанцевать, и я с облегчением отделилась от Николаса, не видя, как он трогал брюнетку под столом. Боже, я такая отвратительная и невыносимо ревнивая. Мы начали танцевать, но как друзья. Лука вел себя подобающе, ни разу не намекнул ни на что непристойное. В какой-то момент мы подошли к Лайону и Дженне и вчетвером начали танцевать, радуясь и смеясь, – это была самая лучшая часть вечера. Николас был далеко от меня в тот момент, деля бог знает что с этой девушкой, и хотя у меня закипала кровь, бокалы алкоголя, которые я выпила, помогли мне стать более терпимой.

Во всем, что произошло потом... должна признать, была моя вина.

В какой-то момент я повернулась и увидела, как... он целовал в шею девушку, сидевшую у него на коленях, но это было не самое худшее: при этом он смотрел на меня, его губы были на шее брюнетки, но глаза уставлены на меня. Я улыбнулась и тут же перестала танцевать. То, что я сделала... черт возьми, неужели я никогда не поумнею?

Лука подошел ко мне, зная, на кого я смотрю, сказал мне что-то, прильнув губами к моему уху, чтобы я могла расслышать в громовых раскатах музыки... и прежняя Ноа вернулась. Все, чему я научилась за эти месяцы, все сеансы у психолога, все мои сожаления пошли прахом, потому что я схватила Луку за шею, притянула к себе и прижалась губами к его губам.

Самое странное было то, что он не отталкивал меня. Напротив, я чувствовала, как его язык входит в мой рот, а его рука на моей спине притягивает к себе.

Что он делает?

У меня не было времени, чтобы обдумать это, потому что внезапно кто-то потянул его назад, и следующее, что я помню, – Лука, лежащий на полу с разбитой губой и окровавленным лицом. Я подняла глаза и увидела совершенно обезумевшего Николаса. Он посмотрел на Луку, встряхивая руку, а затем на меня. Я почувствовала озноб, увидев его обиженный и разъяренный взгляд... Он с силой сжал челюсть и повернулся ко мне спиной. Вскоре Лука начал вставать, вернее, ему помогли те, кто был вокруг, и я увидела, как Ник уходит подальше от застолья.

Не знаю, что со мной произошло, возможно, слишком большая концентрация шампанского в организме повредила мой разум, но я пошла за ним, разумеется, не для того, чтобы просить прощения.

Он направился туда, где проходила церемония, где стулья по-прежнему были аккуратно расставлены и где все еще были украшения из цветов. Теперь тут было безлюдно, и только отдаленный шум праздника нарушал тишину.

– Куда ты собрался, Николас? – тихо спросила я.

Пошатываясь, я спустилась по ступенькам. Он обернулся. Его лицо покраснело от гнева, когда он понял, что я иду за ним.

– Ты не имел на это никакого права! – рявкнула я в ярости.

Да, я не на шутку разозлилась, к тому же была пьяна. Это не очень хорошее сочетание.

Я шагнула к нему. Казалось, он размышлял, что же со мной делать... Боже, я даже испугалась, но не отступила, скорее, наоборот. Его внезапный приступ ревности о многом говорил... В это с трудом верилось, но он не мог меня забыть, и, пусть мне придется столкнуться со всей мощью его гнева, я готова.

Я подошла к нему и толкнула.

– Ты лжец! – выкрикнула я. Кулаки снова сжались, на этот раз, чтобы изо всех сил ударить его в грудь. – Ты чертов лжец, Николас!

Сначала он едва не вздрогнул, но через несколько секунд я заметила, что его грудь стала чаще подниматься и опускаться. Он позволил мне ударить его еще два раза, пока его руки не вмешались и не остановили мои удары. Я была зла как никогда.

– Ты говоришь, что забыл меня? Но твои действия говорят об обратном! Ты говорил, что ничто не сможет разлучить нас!

Он посмотрел на меня с недоверием.

– Это ты нарушила все свои гребаные обещания. Все из-за тебя, черт возьми! Ты мне не нужна, Ноа. Ты мне больше не нужна. – Его слова остановили мои кулаки. Я окаменела, внутри все оборвалось.

Я слотнула, чтобы прочистить горло. Я посмотрела на него, но перед глазами все расплывалось... Потребовалось еще какое-то время, чтобы понять причину – слезы заливали мои глаза.

– Как ты можешь так говорить? – сказала я дрожащим голосом.

Николас смотрел на меня. Стоя передо мной, он казался таким же расстроенным, таким же несчастным, как и я... Как он мог говорить так... со мной?

– Потому что это, черт возьми, правда.

Он равнодушно повернулся ко мне спиной и стал отдаляться от меня.

– Я совершила чертову ошибку, Николас! – крикнула я, но он продолжал идти. – Твоя чокнутая бывшая заставила меня поверить, что ты изменил мне! Ты трахался с Софией у меня под носом, а виновата я? Это ты все испортил! Ты заставил меня совершить худшую ошибку в моей жизни! Ты позволил использовать меня, использовать меня, как будто я... будто я...

Я не могла продолжать, слезы не давали говорить. Черт, я была так зла, так разбита... Но то, что я сказала, было правдой: если бы не его ложь, я бы никогда не оказалась в постели того, кто воспользовался моей слабостью, зная тайны, которые я доверила. Когда я подняла взгляд, Ник был прямо передо мной, преградив мне путь. Он посмотрел на меня с яростью, такой жуткой, что я попятилась, но он сделал последнее, на что я надеялась: его рука обвила мою талию, а губы впилась в мои. На мгновение показалось, что мне приснился кошмар, один из тех, что в последнее время преследовали меня, когда я погружалась в сон, где все было как раньше, где я была с Николасом, мы были счастливы, целовались, но через секунду он уходил, а я не могла ничего сделать, чтобы остановить его. Я бежала за ним, но мои ноги двигались недостаточно быстро.

Это был не сон, совсем не сон. Его рука подняла меня с земли, прижав мою грудь к его невероятно твердому торсу, и его язык ворвался в мой рот. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что происходит, но все мое тело, казалось, воспламенилось. Мои руки с силой обхватили его шею, притягивая к себе. Боже, как мне его не хватало! Будто жизнь, покинувшая меня после того, как он оставил меня, вновь вернулась спустя все эти месяцы.

Его другая рука держала меня сзади, а язык жадно ласкал мой. Я крепко ухватилась за его волосы, но они были не такими, как раньше: они были короткими, слишком короткими, чтобы я потянула за них как любила делать раньше. Затаив дыхание, он провел рукой по моей спине, пока не добрался до затылка, остановился, оторвал губы от моего рта и впился в меня взглядом... Зрачки его расширились от возбуждения, желания, чистого плотского желания, которое, он думал, больше никогда не испытает.

Мы смотрели друг другу в глаза. Хотелось так много сказать ему... Но потом что-то изменилось... Что-то пришло ему в голову, снова стало мучить, и я поняла, что снова теряю его. В отчаянии я потянула его шею к себе и снова прижалась губами к его рту, только теперь я не получила ответа. Почувствовала, как его руки ослабли, а потом опустились. Я запаниковала, испугалась, что он уйдет, что снова бросит меня.

Слезы потекли вновь, я оторвала свой рот от его губ и зарылась лицом в его шею. Я не хотела отпускать его, не могла дать ему уйти.

– Я не могу этого сделать, Ноа, – проговорил Николас, хотя голос его, казалось, тонул в волне чувств.

– Нет, – выкрикнула я, крепко держась за него. Мои слезы промочили его рубашку, но мне было все равно. Я не могла позволить ему уйти, я нуждалась в нем, а он во мне. Мы должны были быть вместе.

Затем его руки отпустили мою талию и поднялись к моим запястьям. Он освободился от моих объятий. Он держал меня за руки и смотрел мне в глаза.

– Не бросай меня, – жалобно умоляла я. Я осознала, что уже завтра он уедет, и я больше не увижу его, и это чувство убивало изнутри.

– Когда я закрываю глаза, то вижу тебя с ним, – признался он, сглатывая слюну. Он поднял взгляд, сдерживая слезы, которые говорили ему любить меня, защищать меня, как прежде.

– Я даже не помню этого, Николас, – возразила я, отказываясь отпускать его. Это правда, я не могла вспомнить, что произошло той ночью: знала, что мы переспали, но это будто была не я, будто это было не со мной, не было сил признать, что все случилось по-настоящему... Хотя это и не важно, потому что моя жизнь уже превратилась в ад.

Я увидела, как его глаза увлажнились, и почувствовала, что умираю.

– Я не могу... прости. – И он отпустил меня.

Повернулся и ушел, оставив меня одну...

Дженне не потребовалось много времени, чтобы выяснить, что произошло, и она обнаружила меня через два часа. Я сидела на одном из церемониальных стульев, обхватив колени и пытаюсь собраться с мыслями. Этот поцелуй, его слова... не принесли мне ничего хорошего. Она обняла меня. Я осознала это не сразу, но тут же почувствовала себя еще более виноватой, поняв, что испортила ей особенный день. – Прости, Дженна, – извинилась я, пытаюсь перестать плакать.

– Мне очень жаль, Ноа, это все моя вина, – сказала она, и я непонимающе посмотрела на нее. – Вся эта ситуация. То, что вы оба были посаженными родителями, я еще и разместила вас в одной машине и соседних комнатах. – Дженна посмотрела на меня с жалостливым выражением лица, но все еще при этом продолжала выглядеть очень эффектно. – Я хотела дать вам еще один шанс, думала... что нужно лишь подтолкнуть вас...

– Мы поцеловались, – призналась я, понимая, что этот поцелуй был последним. Между нами ничего не улучшится, как бы Дженна ни старалась.

Дженна выглядела удивленной и растерянной. Она оглянулась, словно желая понять, что случилось, почему Ника нет со мной.

– Между нами все кончено, Дженна, – сказала я, и мне пришлось рукой закрыть рот, чтобы заглушить рыдания. Боже, как же жалко я выглядела... но, черт возьми, как больно... как больно было потерять его!

Дженна снова обняла меня, и я позволила ей утешать меня. Вокруг не было ни души. Только она в самый счастливый день своей жизни и я, погруженная в страдания.

Дженна снова подняла глаза на меня, и я увидела в ней решимость.

– Я не должна тебе этого говорить, Ноа, но я знаю Ника, и, пока он был с тобой, он был счастлив. Что бы между вами ни происходило, он был рядом с тобой таким правильным, таким... как бы это сказать, таким нормальным. Вся его жизнь была дерьмом. Я видела, как он плакал в детстве, когда их бросила мать. Видела, как он плакал месяцами, пока не ожесточился и не соорудил стену вокруг себя, которую никто не мог пробить, никто... кроме тебя. Я не говорю, что это будет легко, но, черт возьми, это ведь любовь всей твоей жизни! Я хочу, чтобы мои лучшие друзья были так же счастливы, как и я сейчас. Я прошу тебя, Ноа, прошу, не отпускай его. Неважно, что он говорит, неважно, что он делает, неважно, что думает, что не сможет простить тебя... Должен же быть какой-то способ.

Я встала со стула и посмотрела на нее. Грустная улыбка скользнула по моим губам.

– Я знаю, что ты хочешь в это верить, Дженн... я тоже, – сказала я, глядя туда, куда ушел Ник. – Но я разбила ему сердце... Я думала, что он изменил мне, и думала, что умру, правда, так что я знаю, каково это... Он не простит меня, никогда не простит.

Дженна собиралась что-то сказать мне, но тут же закрыла рот, кажется, впервые потеряв дар речи. Я подошла к ней и поцеловала в лоб.

– Наслаждайся этим днем.

Затем я изо всех сил попыталась снова стать той, кем была всю эту неделю. Не хотелось оставлять Лайона и Дженну без обоих лучших друзей, поэтому я оставалась на вечеринке столько, сколько потребовалось. Я заставляла себя танцевать и наслаждаться всем, что меня окружало. В какой-то момент я оказалась лицом к лицу с Лукой. Его зеленые глаза смотрели на меня настороженно, но без намека на обиду за то, что я буквально использовала его, чтобы заставить Николаса ревновать.

– Прости, – искренне извинилась я, надеясь, что моих слов будет достаточно, чтобы получить прощение. Я вела себя как полная дура, как девчонка-подросток, которую поклялась оставить позади, и если я вызвала ложные надежды у брата Лайона, то глубоко сожалела об этом.

– Нет, – возразил он, тут же схватив меня за руку, и потянул к себе так, что я врезалась ему в грудь. – Успокойся, – сказал он, прежде чем я успела вырваться или испугаться того, что могло произойти между нами. – Меня не волнует, что ты используешь меня, чтобы заставить ревновать этого идиота. Правда в том, что ты помогаешь мне делать то же самое, – он повернулся ко мне, заставив прижаться спиной к его груди, и под звуки музыки приблизился к моему уху, чтобы я могла четко расслышать. – Видишь вон ту девушку? – спросил он, незаметно подняв палец в сторону группы девушек, стоявших у барной стойки. Я весело кивнула, внезапно поняв, что он хочет мне сказать.

– Блондинка, которая наблюдает за нами так, будто ей плевать, что я делаю с тобой, – сказал он, поворачиваясь ко мне и так бесстыдно кладя руки мне на поясницу, что я окинула его злобным взглядом. – Мы встречались где-то месяц; на самом деле мы безостановочно трахались, если быть точным, в общем, ты понимаешь... – Я закатила глаза. – Я потерял связь с ней, когда попал в тюрьму, и мы встретились на одной из вечеринок в моем районе. Она – дочь лучшего друга моей мамы, и я хочу, чтобы она сошла с ума, видя, как я тебя лапаю, что я и собираюсь сделать.

Я рассмеялась и оттолкнула его. Лука отреагировал, приложив руку к сердцу, как будто это глубоко ранило его. Потом медленно потянулся ко мне и что-то прошептал на ухо, но совсем другим тоном.

– Не извиняйся, Ноа, – сказал он и посмотрел в мои глаза. – То, что ты сделала, было неправильно, но мы все совершаем ошибки.

Не то чтобы совет Луки был для меня чем-то вроде откровения, но он заставил понять, насколько жалкой я выглядела, когда Николас был рядом.

Я ничего не могла поделать. Несмотря на то, что совершила серьезную ошибку, которую тяжелее всего простить, я была уверена, что не все было по моей вине: ложь, наше прошлое и наши отношения привели нас к точке невозврата.

Я продолжала танцевать с Лукой, а потом и с остальными, пока не настал час, когда жених и невеста решили уйти, потому что они уже выполнили два обязательных свадебных ритуала: разрезали торт, который я едва попробовала, и Дженна бросила букет. На самом деле, тут все же нужно уточнить. Она не совсем его бросила. Она просто несколько секунд делала вид, заставляя всех поверить, что вот-вот бросит букет, но затем повернулась и подошла ко мне с улыбкой на лице. Ничего не понимая, почти рефлексивно, я взяла букет из ее рук.

– Это для того, чтобы ты знала, что я все еще верю, что твой день настанет, Ноа, и он настанет с тем человеком, которого мы обе знаем.

Комок подступил к горлу, я не знала, что сказать. Я восхищалась ее решимостью и верой, но такой жест только еще больше погрузил меня в печаль. Я вдруг поняла, что не могу больше там находиться, в окружении всех этих людей, поэтому, когда Дженна поцеловала меня в щеку и побежала с Лайоном к лимузину, который отвезет их в роскошный отель, а на следующий день они отправятся в райский медовый месяц, я села в одну из многочисленных машин с шофером, которые были в распоряжении гостей, и вежливо попросила его отвезти меня домой.

Нужно было закончить этот вечер.

11 НИК

Я знал, что облажался, поцеловав ее прошлой ночью, но я ничего не мог с собой поделать. Она была так близко, кричала, обвиняла меня! Она назвала меня лжецом! Меня – лжецом? Она даже не понимала, о чем, черт возьми, говорила, пришлось поцеловать ее, не то я бы сошел с ума.

Я не мог видеть, как Лука обнимает ее, целует... Ноа решила лишить меня остатков самоконтроля, что у меня еще оставался. Я почти забыл образы из прошлого, что постоянно всплывали в памяти, и вот теперь снова увидел ее с другим. Теперь, когда мы снова встретились, спустя столько времени, все началось сначала. Я словно снова проживал ту проклятую ночь, когда узнал о ее измене.

Ощущение ее стройного, прекрасного и гораздо более худенького, чем я помнил, тела сводило меня с ума. На меня снова нахлынули чувства. На несколько секунд я снова стал прежним. Снова стал по уши влюбленным в нее. Когда я отдалился, чтобы посмотреть на нее, чтобы вновь наполниться тем светом, который она всегда излучала, я увидел те же самые глаза, а в них сдержанное желание, которое притягивало нас, но в них было и кое-что другое: сожаление, отчаяние, тоска... Как будто меня вернули в прошлое, и я снова ощутил те же страдания, которые испытал, узнав правду.

Образы... проклятые образы, которые мучили мое воображение, снова возникали в голове. Обнаженная Ноа, лежащая в постели, стонущая от удовольствия, такая чувственная, такая невинная. Будто я снова без ума от ее стонов. Стонов, от которых я оказывался полностью в ее власти. Но все же эти чувственные звуки вызывал не я, их вызывал другой. Не мои руки ласкали ее тело, ласкали не медленно и доставляя ей удовольствие, но резко. Ласкали без заботы и любви, которую я вкладывал в каждое прикосновение. Но Ноа нравилось. Она наслаждалась ими и выкрикивала не мое имя...

В такие моменты казалось, будто меня облили ледяной водой. Пришлось оттолкнуть ее, хотя она изо всех сил цеплялась за мою шею, отказываясь отпустить. Может быть, она думала, что я не смогу уйти, но я смог и не жалею об этом.

И теперь, проведя всю ночь без сна, я снова страдал от одного из тех приступов слабости, когда хотелось послать все к черту, забыть обо всем, пойти в ее комнату и умолять закончить то, что начали.

Я понял, что пора уехать.

Я собрал чемодан, тихо вышел из своей комнаты и, как полный идиот, остановился у двери Ноа. Закрыв глаза на секунду и разозлился, осознав, что она всего в нескольких метрах от меня. Что наверняка она провела ночь, плача из-за нашей встречи и того, что ничего нельзя сделать, чтобы все исправить. Набравшись сил, я ушел.

Уложил свой скудный багаж в машину, умылся водой из бутылки, которую нашел в багажнике, чтобы немного освежить взгляд, замутненный от слез. Взял свою доску и отправился на пляж Джорджика, где занимался серфингом несколько часов подряд, пытаюсь успокоиться и найти смысл во всем, что должно держать меня подальше от Ноа, во всем, что, казалось, исчезло, когда я поцеловал ее. Я был на пляже до рассвета. Затем вернулся, принял душ и решил, что пора покончить с этой затянувшейся поездкой.

12 Ноа

Я не слышала, как он ушел, но почувствовала его отсутствие. Все кончено, теперь мне оставалось только вернуться к прежней рутине.

Я попрощалась со всеми гостями, которые еще были в доме, проведя тут еще пару дней. Мама Дженны обняла меня, а отец предложил отвезти на вокзал, где я сяду на поезд, который доставит в Нью-Йорк. Во время поездки он спросил о моих планах на лето, и я сказала, что в основном проведу его в городе, а дни, что останутся, – за работой. Не хотелось много говорить о работе, ведь он – нефтяной магнат и наверняка не поймет, почему, черт возьми, я работаю официанткой, если я падчерица его лучшего друга-миллионера. Тем не менее он не особо расспрашивал меня, за что я ему благодарна.

– Где ты собираешься остановиться на ближайшие дни, Ноа? – спросил он, когда мы проезжали по красивым улицам. Было рано, но уже было много людей: кто-то выгуливал собак, кто-то гулял с дорогими брендовыми сумками в руках, и почти все были в солнцезащитных очках. Мне было жаль покидать этот район, так толком и не узнав его – из-за свадьбы времени совсем не оставалось.

Я перевела взгляд на мистера Тэвиша и сказала название мотеля, который забронировала в Нью-Йорке. Меня не волновало, что это далеко не люксовое заведение, ведь я буду там только спать и принимать душ. Остальное время я планировала потратить на осмотр этого гигантского города.

Отец Дженны немного озадаченно посмотрел на меня, когда я произнесла название мотеля. Он даже не слышал о нем, что было удивительно, учитывая, что у него два особняка в этом городе, не считая дома в Хэмптоне.

Он очень смутил меня, когда предложил оплатить гостиничный номер в центре города, в самом «Хилтоне». Я поблагодарила его за предложение, но мне не нужна была жалость. Люди, у которых есть деньги, считают, что те, кто не наслаждается роскошью, несчастны, но это неправда. Неважно, что я остановлюсь в мотеле... В конце концов, это не так уж и плохо!

– Ноа, я не хочу вмешиваться, но Нью-Йорк – это не Лос-Анджелес, этот город может быть опасным, и даже куда более опасным, если ты будешь находиться в нем одна, не зная его.

Он настаивал, пока мы не добрались до вокзала.

– Господин Тэвиш, в этом нет необходимости. Я сумею о себе позаботиться, со мной все будет в порядке, правда... Кроме того, я буду не одна, меня встретит подруга, так что вам не о чем беспокоиться, – это была маленькая ложь, но совершенно безобидная. Кажется, Тэвиша она не убедила; он казался расстроенным и действительно обеспокоенным, как если бы был моим отцом.

– Ну, у тебя есть мой номер, если что-нибудь понадобится. Я буду на этой неделе в Хэмптоне, но у меня много друзей в Нью-Йорке, которые готовы помочь тебе, если понадобится.

«Друзей»... я понимала, что люди имели в виду, когда говорили о «друзьях». Вспомнить хотя бы Стива и его роль в жизни Лейстеров. Мне не нужен телохранитель, спасибо.

Я вежливо попрощалась с ним и поспешила на станцию, чтобы не дать ему времени позвонить моей матери или что-нибудь в этом роде... Иначе они бы свели меня с ума.

Я села в вагон, предъявила свой билет довольно любезной даме и устроилась в кресле, глядя в окно и желая добраться как можно скорее до этого великолепного города. Я пыталась забыть, как Ник давным-давно обещал мне, что именно он отвезет меня в Нью-Йорк, что именно он покажет этот огромный мегаполис. С тех пор прошла уже почти целая жизнь или, по крайней мере, так мне казалось.

Когда мы добрались до места назначения, первое, что я сделала, сойдя с поезда, взяла такси, чтобы поехать в мотель, где для меня был забронирован номер. Когда мы ехали по городу, я любовалась видами из окна. Гигантским небоскрегам, казалось, не было конца, а на улицах было так много людей, что я почувствовала себя в огромном муравейнике, песчинкой на пляже... Ошеломляюще и в то же время потрясающе.

Когда таксист въехал на небольшую темную улочку, было уже четыре часа дня, и я немного испугалась. Впрочем, у него не было никаких злых намерений: здесь находился мотель, который, хотя и не был ужасным, совсем не походил на фотографии на сайте.

Таксист достал мой чемодан, я дала ему скудные чаевые, и он уехал туда, откуда приехал, оставив меня в растерянности посреди мегаполиса. Я глубоко вздохнула и вошла в заведение, которое больше походило на приют для бездомных, чем на мотель.

Девушка за стойкой оторвала взгляд от журнала, когда я предстала перед ней, волоча за собой багаж.

– Имя? – спросила она, громко и противно жуя жвачку. Я всегда ненавидела жвачку.

– Ноа Морган. У меня бронь, – ответила я, оглядываясь по сторонам. Однозначно, это был не мотель, а старое потрепанное здание, где можно забронировать комнату.

Вздохнув, она открыла ящик и достала ключ.

– Возьмите и берегите его, потому что он только один. Завтрак у нас вон в тех автоматах; обед и ужин за ваш счет.

Я кивнула, стараясь, чтобы первые часы в Нью-Йорке не привели меня в уныние. Мне просто нужна была кровать. К тому же, проходя мимо торговых автоматов, я увидела в них печенье «Орео»... О чем еще можно просить?

Я оставила чемодан в крошечной комнате, которую мне выделили, и вышла на прогулку. Покинула давящую темную улицу, где находился мотель, и стала бродить по городу. Как и обещали на сайте, через несколько улиц был Центральный парк.

Не знаю, как объяснить, что это за место. Я находилась там всего минут десять, но этого было достаточно, чтобы мне захотелось там жить. Было жарко, люди лежали на траве, загорая, дети играли с мячом и со своими собаками... Кто-то бегал, кто-то делал гимнастику. Атмосфера была невероятной, островок природы посреди города, полного загрязнений и пробок.

Я подошла к озеру, в его водах плавали утки, которых многие подкармливали. На секунду я подняла голову на голубое июльское небо, и мной овладело чувство одиночества, но одиночества счастливого. Здесь никто не знал ни меня, ни моей истории. Здесь не было ни Николаса, ни моей матери, ни Уильяма, ни людей, которые знали о нашем расставании и поэтому смотрели на меня не то с жалостью, не то с гневом. Ведь это было ужасно, новость так быстро разлетелась по университетскому городку, где Ника все отлично знали – он ведь был легендой. Мы были парой, которой все восхищались. Мы были всегда в центре внимания, и было бы совсем не комфортно находиться там сейчас... Ну, люди бывают очень жестокими.

Я провела остаток дня в парке, читала, гуляла, съела хот-дог. Конечно, можно считать меня сумасшедшей, ведь тут столько мест, которые стоит посмотреть, а я застряла в парке. Но все же иногда приятно потратить некоторое время, чтобы просто бесцельно любоваться, просто побыть одной из многих, и в тот момент все, чего я хотела, это спокойствия... спокойствия и безмятежности.

Хотя это и длилось недолго.

У меня чуть не случился инфаркт, когда, повернув за угол, чтобы выйти на маленькую улочку моего мотеля, я наткнулась на высокого мужчину в костюме, который буквально появился из ниоткуда. Я чуть было не бросилась бежать, но потом узнала его и схватилась за сердце, пытаясь оправиться от испуга.

– Черт возьми, Стив! – выпалила я. Какого черта он там делал?

– Ноа, – сказал он, пристально глядя на меня. Он схватил меня и затащил в мотель. – Собирай свои вещи, пожалуйста.

Я хмурилась, пока он вел меня до двери. Мы прошли мимо девушки за стойкой, которая, казалось, была также удивлена, как и я. Мне удалось выйти из ступора и рывком вырваться из его хватки.

– О чем ты, Стив? – прошептала я, пока внутри меня нарастал гнев. – Зачем ты пришел?

– Николас велел мне забрать тебя. Здесь опасно, – ответил Стив в своей практичной и немногословной манере. Господин Лейстер отдавал приказы, а его лакеи подчинялись. Какое счастье, что я больше не принадлежу к этому дурацкому кругу!

– Я никуда не пойду, – ответила я, проходя мимо него и открывая дверь своей комнаты.

Что я собиралась делать? Захлопнуть дверь перед носом Стива? Он не виноват, что работает на идиота.

– Ноа, забудь о Николасе. Тебе не стоит находиться в Нью-Йорке одной и тем более в этом районе, это опасно. Позволь мне отвезти тебя туда, где тебе не грозит опасность.

Боже, какой абсурд!

– Но как вы меня нашли? – я перешла на крик. Повернулась к нему спиной и обхватила голову руками.

Окно рядом с кроватью выходило на площадку пожарной лестницы. Было видно мусорные баки и людей, курящих в углу. Нужно признать, что вид и впрямь был так себе, и я всерьез задумалась потратить последние сбережения на чуть более приличное жилье, но меня раздражало, что меня заставили это сделать, и к тому же, что это пытался сделать Николас. Он потерял всякое право беспокоиться обо мне. А теперь нагло вмешивается и диктует свои условия?

– Что именно Николас велел тебе делать? – спросила я, поворачиваясь к нему.

Стив невозмутимо посмотрел на меня.

– Он сказал, чтобы я вытащил тебя из этого притона и отвез в гостиницу.

Чтобы вытащил меня... То есть он послал Стива, а сам даже и не думал показываться? Как бы не так.

– Я хочу с ним поговорить, – потребовала я, скрестив руки.

Стив вопросительно посмотрел на меня.

– Он уже уехал с работы, у него ужин...

Я почувствовала укол в сердце, а ноги подкосились. «Ты что, идиотка, думала, он будет соблюдать целибат?»

– Во сколько встреча? – спросила я, стараясь не допустить, чтобы голос дрогнул.

Стив вздохнул.

– Через полчаса, – ответил он.

– Тогда позвони ему на мобильный. Он не возьмет трубку.

Стив несколько секунд выдерживал мой взгляд, но в итоге согласился. Однако, прежде чем позвонить, он взял чемодан, который я еще не распаковала, и проводил меня на улицу, где припарковал машину. Он открыл дверцу, чтобы я села, и, устроившись на водительском сиденье, набрал по громкой связи номер Ника.

– Николас, Ноа хочет поговорить с тобой, – объявил он, когда раздался голос Ника.

– Я не хочу с ней разговаривать, – объявил через секунду его голос.

Я выключила громкую связь и приложила телефон Стива к уху.

– Ты больше не произносишь мое имя? – упрекнула я, не в силах сдержаться.

– Только если это строго необходимо, – ответил он. Я понимала, что он мог повесить трубку в любое время, поэтому попыталась успокоиться, но все же не могла не сказать:

– Ты не произносишь мое имя, но посылаешь Стива, чтобы он отвез меня в гостиницу...

Объясни мне, Николас, потому что, клянусь, я ничего не понимаю.

Мне показалось, что мои слова как-то повлияли на него, потому что было слышно, как он громко вздохнул в трубку.

– Мне позвонил Грег и сказал, что беспокоится о тебе. Ему не нравится место, где ты собралась остановиться, – заметил он, словно не желая продолжать.

Чертов Грег Тэвиш! Зачем он лезет не в свое дело? Он ведь мне не отец.

– Значит, ты сделал это ради Грега? – спросила я разочарованным голосом.

– Прекрати, Ноа, – сказал он, и я заметила перемену в его тоне, теперь он был зол. – На твое имя оформлена бронь в «Хилтоне». Хочешь воспользоваться ею? Отлично! Не хочешь? Мне насрать.

У меня не было времени сказать что-либо еще, потому что он повесил трубку.

Стив молча смотрел на меня, терпеливо ожидая, что я решу. Я не собиралась делать то, о чем просил Ник. Он поцеловал меня, а потом ушел, ничего не сказав. Теперь вдруг он снял мне номер в отеле... и что я должна с этим делать? Пусть он говорит, что ему все равно... но я знала его: это ведь Николас.

В этот момент я приняла рискованное решение.

– Отвези меня к нему домой.

Стив, похоже, не был в восторге от этой идеи, но я сказала, что либо я еду туда, либо не сдвинусь с места. Осознав, что ставлю его между молотом и наковальней, я почувствовала себя немного виноватой, но не намерена была отступать: это единственный способ заставить меня покинуть этот мотель.

Всю дорогу я смотрела в окно. Пусть я и не хотела признавать это, но в машине со Стивом я чувствовала себя в безопасности. Пожалуй, приехать в такой город, как Нью-Йорк, в одиночку было довольно удручающе и даже немного страшно.

– Подъезжаем, – через некоторое время сказал Стив.

Я начала нервничать еще больше, когда мы остановились рядом с удивительным высоким зданием с потрясающим видом на Верхний Ист-Сайд. Справа была река, а чуть дальше отчетливо виднелись верхушки деревьев Центрального парка. Прошло чуть больше получаса, и я предположила, что видневшаяся часть парка, должно быть, была местом, которое я посетила тем утром.

Я нервно теребила волосы. Что ему сказать? На самом деле, я переживала не столько за слова, я боялась узнать, какой была его жизнь сейчас, увидеть его в новой обстановке. Увидеть Николаса Лейстера, который живет один в квартире в центре Нью-Йорка, адвоката и бизнесмена... С этой стороны я его еще не знала. Я знала Ника, который ходил на вечеринки, Ника, который обнимал меня в самых укромных местах, участвовал в безрассудных уличных гонках и дрался на ринге, чтобы заработать деньги... Тот Ник, который был влюблен в меня, Ник, который меня обожал, не смог бы прожить и дня, не зная, где я, не разговаривая со мной и не видя меня.

Где сейчас был этот Ник?

Стив припарковался у этого внушительного здания, и волнение захватило меня полностью.

– Он дома? – спросила я, выйдя из машины и следуя за ним к лифту.

– Нет.

Я глубоко вздохнула и смотрела, как Стив набирал код на панели с кнопками этажей. Я с удивлением увидела, что там 62... о боже, 62 этажа... и еще была кнопка для чердака.

Лифт показался мне сверхзвуковым самолетом, и, когда раздался стук двери, нарушивший тишину, я оторопела от вида.

Двери распахнулись, открылся большой холл с зеркалом в полный рост. Я с трудом узнала себя в этом отражении, я выглядела испуганной, поэтому поспешила изменить выражение лица: нельзя выглядеть нервной, нужно хотя бы казаться уверенной в себе.

Мне стоило надеть что-нибудь другое, а не простую джинсовую юбку, розовые конверсы и обычную белую футболку. Я выглядела как пятнадцатилетняя девчонка.

Прежде чем последовать за Стивом, я потянула за резинку, которая держала мои волосы, и выпустила их... Надеюсь, это поможет.

Я последовала за Стивом вглубь квартиры. Вау! Она была совсем не похожа на ту, которую он снимал в Лос-Анджелесе... Это как... перейти на новый уровень. Он ведь унаследовал огромное состояние от деда, очевидно, деньги никогда не были для него проблемой, но эта квартира была уже куда более серьезной.

Она была очень большой, без перегородок, кроме колонн, которые были распределены для создания отгороженных пространств. Кухня справа, диваны в центре обращены к большим окнам, из которых открывался красивый вид на город. Паркет блестел, кое-где на полу были толстые бежевые ковры, которые, казалось, были достаточно мягкими, чтобы на них можно было спать. В другом конце, рядом со стеклянным мини-баром, была внушительная лестница из темного мрамора.

Николас точно живет тут? Это все его? Он живет один?

Стив снова вздохнул и хмуро посмотрел на меня.

– Ты уверена, что хочешь этого, Ноа? Ему не понравится.

– Пожалуйста, Стив, – умоляла я. – Доверься мне... Просто... мне нужен шанс поговорить с ним.

Стив смотрел на меня, как на ребенка, который только что узнал, что Санты на самом деле не существует: с сожалением.

Он снисходительно кивнул и, сказав, чтобы я предупредила его, если что-то понадобится, ушел. Я поднялась по лестнице и вдруг почувствовала себя очень уставшей. Открыла первую попавшуюся дверь – это была спальня, я не знала, была ли это спальня Ника или комната для гостей, – прилегла на кровать и уставилась в потолок.

Я стала ждать... ждать, когда он вернется, и, когда он будет здесь, я сделаю абсолютно все, чтобы заставить его снова поверить. Поверить в меня, в нас, в прощение и в любовь.

13 НИК

Я сел в машину и выехал со служебной автостоянки, вдавливая педаль газа. Стоило отметить ужин, стоило уйти и высказать ей все, что не давало мне покоя. Рассказать то, что все еще держал внутри, но когда-нибудь это все равно вырвется наружу.

Я сжал переносицу, пытаясь успокоиться. Я не мог появиться за ужином в таком виде, это было бы неправильно... и несправедливо.

Нужно выбросить Ноа из головы. Она наверняка не откажется от отеля. Я не дурак и понимаю, что было бы безумием оставаться в том захудалом месте, но если она не слушает меня, то я снимаю с себя ответственность. Внутренний голос кричал мне: «Лжец!», но я проигнорировал его, пока ехал по городу в один из самых модных ресторанов, надеясь провести спокойный вечер.

Когда я протянул ключи от машины швейцару, чтобы он припарковал ее, я заметил темноволосую девушку у двери. На ней было элегантное дорогое платье, босоножки на каблучках делали ее намного выше, а темные волосы блестели, каскадом ниспадая по спине.

Ее взгляд загорелся при виде меня, хотя она и старалась как могла скрыть это. Я почувствовал укол вины в груди, но мы уже все обсудили, и она, казалось, это понимала.

– Привет, – сказал я, заставив себя улыбнуться.

Ее белые зубы сверкнули, когда я обхватил ее талию рукой и наклонился, чтобы поцеловать в щеку. От нее пахло малиной с лимонной примесью... она всегда пахла какими-нибудь фруктами, и мне это нравилось.

– Думал, ты не придешь, – признался я, слегка подталкивая ее в спину, пока мы не вошли в ресторан. Сейчас все усложнилось, и последнее, чего я хотел, это чтобы нас снимали папарацци.

– У меня возникло небольшое непредвиденное обстоятельство, прошу прощения, – прокомментировал я и обратился к официанту, который поспешил проводить нас к столику, который я забронировал почти за месяц.

Место было приятным и уютным, чему способствовало тусклое освещение. Звучала музыка в исполнении пианиста. По какой-то странной причине этот свет и приятная музыка расслабили меня... Я сделал глубокий вдох и позволил себе насладиться тем, что сижу перед той женщиной, которая поддерживала меня с тех пор, как я порвал с Ноа. Той, которая была рядом. Той, которая стала хорошим другом.

– Прекрасно выглядишь, – сказал я, зная, что это вызовет ее улыбку. Причина, по которой с ней все было по-другому, была ясна, по крайней мере, для меня.

София застенчиво улыбнулась и взяла меню. Когда подошел официант, мы заказали разное вино. Она больше любила белое. Мне же нравилось красное или, точнее, «Бордо» 1982 года. На мгновение я вспомнил Ноа, что она совсем не разбирается ни в винах, ни в еде, ни в чем другом, на самом деле. Ее простота очаровала меня, заставила поверить, что я могу научить ее всему, что могу подарить ей весь мир...

Я заставил себя вернуться к реальности.

Она уже в отеле? Приняла душ? Плачет? Спит? Ест? Скучает по мне?

«Стоп!» – приказал я себе и сосредоточился на своей прекрасной спутнице.

С Софией все началось как-то само собой. Едва мы с Ноа расстались, я замкнулся и особо ни с кем не разговаривал, все меня раздражало, я был вспыльчив, зол на весь мир, ранен.

Я заперся в квартире и погрузился в жалость к себе... Когда звонил телефон, я игнорировал его. Письма накапливались в почтовом ящике, я даже не читал их... Я встал на путь саморазрушения. Напивался до потери сознания, лежал на кровати, ломал мебель, бил вещи...

Даже дважды повредил руку. Ввязался в драку в баре, хотя, к счастью, ничего серьезного не произошло. Мой разум затуманился, я жил в выдуманном мире, погруженный в ненависть, печаль и разочарование. Никто, даже Лайон, не мог заставить меня прийти в себя. Никто не мог помочь мне. Отец навещал меня, он то кричал на меня, то пытался поговорить более цивилизованно, а потом снова кричал на меня, а затем вовсе перестал приходить. Я не хотел никого слушать, меня ничего не интересовало... В такие моменты я чувствовал невыносимую боль в груди, чувствовал себя преданным. Пока однажды София не появилась в моей квартире.

Она всегда была разумной девушкой. Она кричала на меня, и не потому, что заботилась обо мне, а потому, что от меня зависела ее работа, а я тогда совсем не появлялся в офисе. Она кричала, что если мне так плохо, то почему бы мне не уехать в Нью-Йорк. Она наговорила кучу всего, была так зла на меня. Сказала, что я незрел и нерационален. Мне в голову пришел только один способ заставить ее замолчать.

Я схватил ее за талию и прижал к стене. Мы стояли и смотрели друг на друга. Я был разбит, она сбита с толку, и я просто сделал то, что хотел в тот момент, что было нужно моему телу и что мой больной ум хотел сделать, чтобы отомстить Ноа.

Мы трахались всю ночь, без остановки, без отдыха, и, что лучше всего, когда мы закончили, София встала, оделась и ушла, ничего не сказав.

На следующий день я пришел на работу. Она говорила со мной так, словно ничего не случилось, словно мы все те же коллеги, которые просто терпят друг друга и делят кабинет. Я вел себя так же, как и она, будто ничего не случилось, пока однажды она не встала, не закрыла дверь кабинета, не подошла ко мне и, сидя у меня на коленях, не уговорила меня повторить.

Ясно одно: мы оба знали, что это ни к чему нас не обязывает. София знала, что я расстроен из-за Ноа, а ей просто нужен был кто-то, кто время от времени будет согревать ее в постели. Когда мы поговорили об этом, она, не задумываясь, приняла мои условия: у нас секс без обязательств, мы просто делаем все, что захотим.

Конечно, я встречался и с другими, и София была вольна встречаться с другими мужчинами, если бы захотела, хотя мы никогда не говорили об этом. Она знала что делает и, казалось, принимала такие условия, а меня не волновало, с кем она встречалась, спала или пила кофе. Я относился к ней с уважением, которого она заслуживала. Она моя подруга, единственная, кто помог мне, заставил меня встать с постели и сосредоточиться на работе.

Вскоре после того, как я вступил в должность в Нью-Йорке, мой дед умер, а все остальное не важно.

И вот теперь, когда мы ужинали в красивом ресторане, она сказала, что ей нужно поговорить со мной, но я мог думать только о том, что Ноа была в городе, что мне до смерти хотелось пойти к ней и заняться с ней любовью так, как умел только я, напомнить ей, кому она изменила и что потеряла.

Я провел рукой по лбу и сосредоточился на Софии.

– Хочу попросить тебя об одолжении, – сказала она после того, как мы поговорили о каких-то банальных вещах и работе. София, казалось, никогда не отдыхала, у ее амбиций не было границ, а сейчас ее отец баллотировался на губернаторских выборах в Калифорнии. Эту девушку все замечали и хотели с ней познакомиться. Мне это было безразлично, но, когда она заговорила, пришлось заставить себя обратить внимание на ее слова.

– Мне нужно, чтобы мы встречались официально.

Я посмотрел на нее, не понимая ни слова из того, что вырывалось из ее рта.

– На глазах у публики, конечно, – уточнила она, поднеся бокал к губам. – Отец требует от меня, чтобы мы выглядели стабильной, крепкой парой. Он не перестает знакомить меня с парнями, с детьми своих друзей, которые хотят быть со мной, потому что я дочь сенатора Ристона Эйкена, и это так ужасно невыносимо.

– Подожди, подожди, – сказал я, пытаюсь понять, что она мне только что сказала. – Хочешь рассказать прессе, что мы вместе? Как официальная пара и все такое?

София кивнула и поднесла ко рту равиоли.

– Конечно, ты можешь продолжать делать все, что захочешь, если будешь осторожен. Но для публики мне нужен официальный парень. Сделаешь это для меня?

В другое время я бы рассмеялся ей в лицо, но я совсем недавно говорил с Ноа, поцеловал ее на свадьбе Дженны и заметил, как прошлое снова обрушилось на меня... То, о чем просила София, показалось мне не такой уж плохой идеей.

Я услышал голос в голове, напоминающий о последствиях принятия предложения Софии. Я знал, что если это сделаю, если объявлю, что встречаюсь с ней, если в прессу просочится новость о том, что мы встречаемся, Ноа будет очень страдать... Я, конечно, буду полным мудаком в этом случае, но, возможно, это позволит ей, наконец, осознать, что нужно двигаться дальше.

Я вернулся домой около часа ночи. София спросила меня, не хочу ли я переспать с ней в отеле – она была проездом в Нью-Йорке, разбирая кое-какие дела компании, в которой я больше не работаю, и уезжала только на следующий день, – но я отказался от ее предложения: я был совсем не в том настроении.

Я добрался до квартиры, освещенной лишь тусклыми огнями, от которых разливалось тепло. Оставил ключи на кухонном столе и налил себе еще один бокал.

Эта квартира раньше принадлежала другу моего отца, который, когда узнал, что я переезжаю в Нью-Йорк, предложил ее по цене, от которой я не смог отказаться. Хотелось начать все сначала в месте, которое я мог бы считать своим собственным, поэтому отказался от предложения отца поселить меня в квартире в Бруклине – вдали от офисов, разбросанных по Манхэттену. Я не хотел вспоминать, что пережил в этом городе, будучи ребенком.

Узнав, что отец изменял матери практически на протяжении всего их брака, ненависть, которую я испытывал к ней, изменилась и стала чем-то другим. В душе я понял, более или менее, почему все пошло наперекосяк, и ненавидел отца за то, что он заставил меня жалеть ее. Ненавидел мать, как и раньше, но вся эта история с матерью Ноа заставила меня переосмыслить, была ли эта ненависть оправданной.

Измены... как я мог винить мать за то, что она потеряла голову, ведь я и сам потерял ее по той же причине?

Я никогда не прощу, что она бросила меня. Этому нет никакого оправдания, но кто я такой, чтобы судить о ее поступке после того, как сам прошел через подобное? Я снова подумал о Ноа... Было тяжело видеть, как будущее, которое ты создавал с человеком, представлял, как свяжешь жизнь с ним, разрушается у тебя на глазах.

Я представлял себе счастливую жизнь с ней, зная, что это не будут легкие отношения... Я не был идиотом, наши отношения были далеки от идеала, но все же я не хотел с ней расставаться. Я бы в лепешку разбился для Ноа, и если бы кто-то хотя бы намекнул, что она изменила мне, я первым назвал бы его сумасшедшим...

И что теперь...

Я допил бокал и пошел в свою комнату.

Вошел, не потрудившись включить свет, снял рубашку и небрежно бросил ее на пол. Завтра горничная все уберет.

Повернулся к кровати, намереваясь зажечь лампу, и застыл, когда увидел, кто лежит на моей постели.

Сердце бешено заколотилось в груди, причиняя мне боль, от чего в ушах зазвенело. Дыхание участилось, все тело реагировало на Ноа, спящую на моей кровати. Это было похоже

на возвращение в прошлое, когда я возвращался с работы, и она ждала меня. Нежная кожа, ноги и руки поверх простыни, распущенные волосы...

Я на секунду закрыл глаза и снова почувствовал, каково это – лежать рядом с ней, отодвигать белые простыни с ее тела и ласкать ее кожу... Я бы медленно повернул ее, она бы открыла глаза, заспанная, но улыбнулась бы, довольная, увидев меня, с тем же блеском, с которым всегда отвечала на мои прикосновения. «Я ждала тебя», – сказала бы она, и я бы упивался всей этой любовью, которую никогда не думал, что смогу почувствовать. Я бы лег рядом, осторожно откинул ее светлые волосы и медленно поцеловал бы в ее опухшие от сна, мягкие и жаждущие моего прикосновения губы. Моя рука бы спустилась вниз по ее спине, прямо по позвоночнику, и слегка приподняла бы ее с кровати, и я сжал бы ее в объятиях. Нежно поцеловал бы верхнюю часть ее шеи, потом ухо, вдыхал бы аромат ее кожи, запах, который не был ни фруктовым, ни сладким, и не был похож на дорогие духи, это был просто запах Ноа... только ее.

Я открыл глаза, заставляя себя вернуться к реальности. Хотелось, чтобы то, что я увидел – Ноа, лежащая в моей постели, – было всего лишь иллюзией. Как бы мои руки ни желали прикоснуться к ней, этого нельзя было делать. Нельзя уступать ей. Что она тут делает? Я позволил бешенству поглотить все другие чувства и вышел из комнаты, громко топая.

14 Ноа

Я услышала шум и бессознательно открыла глаза. Сначала я не поняла, где нахожусь, но запах вокруг успокоил меня: я дома. Я с Ником.

Потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что последняя фраза не имеет никакого смысла... по крайней мере, сейчас. Я улеглась на незнакомую кровать и благодаря слабому свету, просачивающемуся через приоткрытую дверь, смогла разглядеть окружение. Наконец, с тяжелым сердцем я соскочила с кровати и вышла в гостиную. Свет был выключен, и были включены только несколько тусклых огоньков, которые не дают споткнуться, если вы просыпаетесь посреди ночи, чтобы выпить стакан воды. Я прошла босиком, пока не увидела его: он сидел на диване перед стеклянным столиком, где стояли стакан и наполовину пустая бутылка, упершись локтями в колени и обхватив голову руками. Наверное, для него это был удар ниже пояса, когда я лежала в его постели, как ни в чем не бывало, будто это была моя квартира, и я имела какое-то право дожидаться его прихода. Я чувствовала себя лишней.

Должно быть, я чем-то выдала свое присутствие, потому что его голова медленно повернулась в мою сторону. Его глаза сверкнули, и, увидев, как сильно сжалась его челюсть, я захотела тут же убежать. Но я знала его, знала достаточно, чтобы понимать, что под всей этой ненавистью, которая, казалось, поглотила его, любовь, которую он испытывал ко мне, все еще была в его сердце, как и в моем, ожидая подходящего момента.

– Что ты здесь делаешь, Ноа? – спросил он, и я чуть не рухнула от гнева в его голосе.

– Я здесь из-за тебя, – ответила я, слегка пожав плечами. Мой голос казался эхом его. Николас откинулся на спинку дивана и, тяжело вздохнув, закрыл глаза.

– Ты должна уйти... Ты должна уйти из моей жизни, – сказал он, все еще не глядя на меня.

Он наклонился, намереваясь налить себе еще один бокал, но я не хотела, чтобы он напился, нет, я хотела, чтобы он был трезв, трезв для меня, потому что мне нужно было, чтобы он ясно понял, что я собираюсь ему сказать.

Я подбежала к нему, взяла бутылку, скрестив пальцы от страха, вырвала из его рук и поставила обратно на стол, подальше от него, от нас.

Он поднял взгляд. Стоя между его ног, я увидела, что его глаза покраснели, но не только от алкоголя.

Я протянула руку, намереваясь погладить его по волосам. Боже, нужно было стереть это выражение боли с его лица, боли, которую вызвала я, но его рука схватила меня за запястье, прежде чем я к нему прикоснулась. Пусть это был и грубый жест, но его рука прикасалась ко мне, а для меня этого уже было достаточно. Искра, которая всегда зажигалась между нами, это чувство огня, чистое плотское желание, то же желание, которое мы испытывали с того самого момента, как я вошла в кухню его старого дома и нашла его там, ищущего что-то в холодильнике. Уже тогда я поняла, что больше себе не принадлежу.

Несколько секунд он колебался. Казалось, они длились вечность, но потом потянул меня к себе, мое тело врезалось в его грудь, и его руки усадили меня на диван, рядом с его бедрами. Я обхватила его затылок, а он взял меня за талию. Наши глаза встретились в полутьме, и мне стало страшно продолжать. Я растерялась, и он тоже. Будто мы хотим спуститься с обрыва, и, если нам повезет, мы упадем в воду, но можем и упасть на камни, а узнаем это, только когда прыгнем.

Он смотрел на меня секунду, которая для меня длилась вечность, а затем поцеловал меня, сделав это так резко и неожиданно... Мои губы раскрылись, и его язык проник в мой рот, от чего я вздрогнула. Вскоре мой язык обвил его, будто от этого зависела моя жизнь. Я обхватила его затылок, чтобы притянуть к себе, он ласкал мои бедра, от колена до ягодиц, крепко

сжимая их. Наши тела практически терлись друг о друга, доставляя нам неземное наслаждение. Как давно мы не были вместе... слишком давно... Без него я ничего не чувствовала, абсолютно ничего. Я даже поверила, что мое тело умерло, что либидо исчезло после расставания, но как же я ошибалась! От его ласки, простого прикосновения рук, я потеряла голову.

Я отстранилась, чтобы вдохнуть немного воздуха, и его губы стали целовать мой подбородок, от чего по спине побежали мурашки. Его грудь была обнажена, а мои пальцы спустились с его шеи и стали ласкать пресс. Каждый его мускул напрягался от прикосновения моих пальцев.

Николас зарычал и отвернулся от моей шеи, стараясь заглянуть в глаза.

– Чего ты от меня хочешь, Ноа? – спросил он, хватая меня за руки и отталкивая от себя.

Я смотрела на его торс, на пот, который блестел на его коже от напряжения, которое мы оба испытывали при мысли, что вот-вот произойдет то, что перевернет наш мир... снова.

– Просто... давай забудем... – попросила я с комом в горле, – хотя бы на несколько минут... Просто притворись, что простил меня.

Я заметила, как его грудь поднимается и опускается, и как он ослабляет хватку, которой держал мои руки. Я освободилась и снова начала ласкать его волосы, заставив сосредоточиться только на мне, а не на том, что нас окружало. На этот раз я поцеловала его. Боже, как же он хорошо меня знал! Его поцелуи – это то, чего мне больше всего не хватало, они были моим наркотиком. Я вошла во вкус, и теперь нужно было чувствовать его губы повсюду, я нуждалась в них до боли.

– Я сделаю это... – заверил он, отодвигая спинку дивана, чтобы прильнуть ко мне. Мы громко дышали. – На несколько минут я забуду о том, что ты сделала с нами, но завтра ты уйдешь из моей жизни и оставишь меня в покое.

Мое сердце остановилось. Казалось, что оно замерло. Но я заставила себя не обращать внимания на его слова. Он забудет... Он ведь так и сказал, да? Этого было достаточно, завтра я разберусь с остальным.

Я кивнула, понимая, что он лжет, но не собиралась отказываться от возможности побыть с ним. Меньше чем за полчаса мне удалось снова почувствовать себя живой, и я не могла отказаться от этого.

Его руки с силой схватили меня за бедра, он поднялся с дивана, приподняв и меня. Я обхватила его шею руками и поцеловала его губы. Как вкусно они пахли! Они пахли им, моим Ником, человеком, которого я безумно и отчаянно любила.

Он отнес меня в свою комнату и осторожно положил на кровать, так, словно боялся, что я исчезну. Сам он остановился в изножье кровати, наблюдая за мной. Я оперлась на локти, привстала и посмотрела на него. Как можно быть таким идеальным? Его волосы были взъерошены, губы выглядели опухшими после поцелуев, двухдневная щетина манила коснуться ее. Раньше она царапала мою кожу, но мне было все равно. Внезапно мне захотелось, чтобы она царапала меня в других частях моего тела. Я задрожала от желания, чистого и плотского, которое испытывала только к нему.

– Мы не будем трахаться, – проговорил он, расстегивая ремень брюк и бросая его на пол. Удивление и разочарование проступили на моем лице. Сейчас он улыбался не так, как раньше, не с теплотой, похотью и любовью, а, скорее, как взрослый, который объяснял что-то очевидное десятилетней девочке, которая в него влюбилась. Ладно. Но можно ведь заняться и кое-чем другим?

Он подошел ко мне, устроившись между моих ног, положил руку мне на живот и, слегка надавив, заставил лечь на матрас. Затем он наклонился и потянул мою юбку, пока не снял ее и отбросил на пол. Коленом раздвинул мне ноги, а его руки задрали мою футболку, сняли ее через голову и отбросили подальше.

На мгновение его глаза остановились на моем теле, груди, покрытой розовым кружевным бюстгальтером, который не был каким-то особенным, просто удобным, или, по крайней мере, я так думала, надевая его тем утром, чтобы отправиться в город. Он слегка нахмурился, и его ладонь, все еще лежащая на моем животе, переместилась вниз, слегка приподняла меня, а потом он поцеловал меня в пупок.

– Ты похудела, – сказал он едва слышным шепотом.

Его губы опускались все ниже, пока не достигли моих трусиков. Руками он ласкал мои ноги. Я заглянула ему в глаза и увидела безмерное вожделение, которое они излучали. Он спустился с кровати, встал на колени и быстро снял с меня белье.

Мне стало неловко. Не то чтобы мне было стыдно, просто очень давно меня никто не трогал. Многие месяцы с тех пор, как мы с Ником расстались. Я беспокойно зашевелилась, и он, казалось, понял, потому что, хотя его дыхание выдавало желание продолжить, он на секунду остановился и посмотрел на меня, будто успокаивая. Всего лишь секунда, но это был Ник... тот прежний Ник смотрел на меня. Я закрыла глаза и замерла на мгновение, зафиксировав его образ в сознании. Теперь я была спокойна.

– Ник...

– Тсс.

Его губы исследовали мои бедра, сначала это были просто поцелуи, но потом я почувствовала его зубы – он слегка прикусил мою кожу, а затем чувственно провел языком. Я перевернулась, его рука прижала меня к кровати, полностью обездвижив.

– Пожалуйста... – умоляла я, уже без всякого смущения извиваясь под его ласками.

Он продолжал целовать меня, но только не там, где я хотела больше всего.

– Чего ты хочешь, Ноа? Скажи мне, я хочу услышать это от тебя.

Я зажмурила глаза и откинулась на постель. Боже, почему?

Я почувствовала, как его губы коснулись моей кожи, но тут же исчезли, и я разочарованно подняла голову.

– Ноа, скажи, чего ты хочешь, и я дам тебе это.

Я не могла сказать, по крайней мере, вслух, и он это знал. Он таким образом наказывал меня? Я открыла глаза и столкнулась с его выжидающим взглядом.

– Поцелуй меня, – попросила я хриплым шепотом.

Он наклонился и лег на меня сверху. Его губы потянулись к моим, он так резко поцеловал меня, что я застонала от разочарования. Когда его бедра прижались к моим, я почувствовала облегчение, но всего на несколько секунд, потому что затем он тут же встал, опираясь на руки.

– Все не так, как раньше, Ноа, – сказал он, беря меня за подбородок. – Ты больше не милая неопытная Ноа, которую нужно с осторожностью всему учить...

Я заглянула в его глаза и поняла, что ярость, которую он сдерживал, готова вырваться наружу. Мне не понравилось то, что я увидела, поэтому я решила действовать. Привстала и поцеловала его в ответ. Затем потянула его за плечи, чтобы прижать к своему телу, чтобы снова почувствовать его на мне. Ногами я обхватила его талию и заметила, как он засуетился. Мне вдруг захотелось двигаться быстрее, чтобы не оставлять место ни для сомнений, ни для упреков.

Моя рука скользнула по его джинсам, и я поняла, что Николас проиграл эту битву. Я уже забыла, каково это – держать его в руках и осознавать, как он теряет контроль, как его дыхание сбивается от моих ласк. Я хотела снова почувствовать эту связь, хотела, чтобы мы двигались вместе, доставляли друг другу удовольствие, соединившись в одно целое, оставив все лишнее позади.

Мы перевернулись, и я оказалась на нем. Я чувствовала себя немного неуверенно в этом положении, но старалась сделать так, чтобы он ничего не заметил. Дрожащими руками потянула его джинсы вниз, но у меня не получалось, поэтому он помог мне. Через несколько секунд

он был полностью обнажен, а на мне был только бюстгальтер. Он снова повернулся и прижал меня к своему телу.

– Я же сказал, что мы не будем трахаться, – уточнил он, держа меня руками за голову.

– Черт возьми, Николас... – разочарованно возразила я. Мне нужно было его прикосновение, контакт с ним был нужен мне больше всего на свете.

Без предупреждения один из его пальцев вошел в меня. Я невольно вздрогнула. К моему и к его удивлению, мне стало больно.

– Ты не...

Я покраснела от смущения... Что ему сказать? Что с тех пор, как мы расстались, я не позволяла ни одному парню даже смотреть на меня. Что мой сексуальный аппетит испарился, как вода в пустыне? Что с тех пор, как мы в последний раз делали это у него дома, когда я рисовала на его коже, я больше ни с кем этого не делала?

Даже думая об этом, я чувствовала себя жалкой. Но мое тело выдало меня.

Что-то изменилось в его выражении лица. Не знаю, было ли это облегчением, но он больше не стал просить, а опустился на колени у кровати, притянул меня к себе, и его язык начал очерчивать круги над самой чувствительной частью моего тела. Я громко застонала, и это побудило его продолжать.

Казалось, ему это необходимо так же, как и мне. Его палец снова вошел в меня, на этот раз более осторожно, и вместо боли я почувствовала облегчение. Давление нарастало, его язык продолжал работать, рука поднялась по моему животу, пробираясь под бюстгальтер и с силой сжимая грудь.

После такого уже невозможно остановиться, слишком много эмоций, мы были уже слишком возбуждены... Приподнявшись на кровати, я закричала, не в силах себя контролировать. Оргазм охватил все вокруг, я оказалась на седьмом небе наслаждения, он зажег меня, как адское пламя.

Николас продолжал ласкать меня до тех пор, пока мне не стало больно от его прикосновений. Он отошел, чтобы дать мне немного прийти в себя. И я очень быстро сделала это. Мне нужно было больше, и ему тоже. Правой рукой он стал ласкать себя, его глаза впелись в меня, и я почувствовала суровый взгляд человека, который страстно желает что-то сделать, но не может.

Мы не собирались заниматься этим в тот вечер, но я не хотела довольствоваться лишь тем, что произошло. Поэтому я встала, потянула и усадила его на кровать. Его дыхание стало прерывистым. На этот раз я буду все контролировать.

Я отстранилась и встала на колени между его ног, не сводя с него глаз.

– Что ты собираешься делать? – спросил он хриплым голосом. Пути назад уже не было, мы начали эту игру страсти, любви и ненависти одновременно, и нам так просто из нее не выбраться.

Я не ответила и продолжила делать то, чего никогда до этого не делала.

Он понятия не имел, что у меня на уме, но ему это, похоже, нравилось. Я открыла глаза и посмотрела на него. Казалось, происходящее сводило его с ума. Затем он небрежно провел рукой по моим волосам.

– Черт...

Он не дал мне завершить начатое. Отстранил меня, схватил и уложил на кровать. Прижался, а потом стал ласкать меня рукой, и я начала делать то же самое с ним. Он не отрывал от меня взгляда, и вскоре меня с головой накрыл второй оргазм.

Мы пристально смотрели друг на друга, едва касаясь, просто смотрели и задавались вопросом, как мы дошли до этого.

Я заснула в его постели, обняв, однако, не его, а подушку. Он направился в ванную, принял душ и вскоре вернулся.

Думаю, минуты, отведенные для прощения, подошли к концу. Но, по правде говоря, у меня не было сил думать об этом. Я была истощена, и хотелось только закрыть глаза, а не анализировать случившееся. Если бы я это сделала, то поняла бы, что все, что произошло, омрачено завесой холодности. Здесь не было любви – простое плотское желание. Мы спрятали чувства и эмоции в укромном уголке наших душ и позволили первобытному инстинкту захватить нас.

Хотелось, чтобы Николас крепко обнял меня, сжал в объятиях и сказал, что все будет хорошо. Однако он ушел, а у меня не было сил идти за ним.

Усталость взяла верх, я закрыла глаза и уснула.

15 Ник

Я пожалел об этом, как только вышел из комнаты. Я поддался, впал в искушение, вкусил запретное яблоко, и последствия, уверен, будут ужасны.

Сердце сжалось, если такое вообще возможно. Боль была такой сильной и глубокой, что приходилось заставлять себя держаться от нее подальше. Я заперся в своем кабинете, всеми способами пытаюсь делать вид, что Ноа не лежит в моей постели, пытаюсь забыть о ее обнаженном теле, ласковых руках, губах, доставляющих мне удовольствие... У нее это хорошо получалось. Настолько хорошо, что на мгновение я разозлился.

Она делала это с другими?

Эта мысль сводила с ума. Неважно, что в постели она казалась такой, как прежде... Та невинная Ноа, которую я знал, спала с другим, пока была со мной. Кто сказал, что она не делала этого с кем-то еще?

Ноа в чужих руках... Ох, нужно было уйти, нужно было забыть о том, каково это, ощущать ее подо мной, о том, насколько нежной была ее кожа, какими сладкими были ее поцелуи.

Ее аромат преследовал меня даже после душа. Внезапно квартира показалась мне маленькой, и мое тело, казалось, хотело войти в ту комнату и закончить то, что пришлось завершить на середине.

Я надел спортивные штаны, белую футболку «Найк», кроссовки и отправился на пробежку в Центральный парк. Было около пяти утра, но на улицах уже были люди, тоже занимающиеся спортом. Я не тратил слишком много времени, даже не разогревался, просто бежал, изо всех сил желая, что, когда вернусь домой, Ноа уйдет, что исполнит то, о чем я попросил ее, исчезнет из моей жизни.

Действительно ли я этого хотел? Да. Это единственное, что было ясно. Быть с ней слишком больно, и я не находил в себе сил простить ее, я просто не мог.

Я вернулся домой через два часа, и все, казалось, осталось таким же, как когда я ушел. Войдя в комнату, я увидел ее в постели.

Она спала на животе, простыня лишь наполовину прикрывала ее, обнаженная спина манила, чтобы я коснулся ее, пока Ноа не проснется. Я поцелую ее, мы будем медленно заниматься любовью, а потом пойдем завтракать в одну из лучших кофеен города. Я куплю ей горячий шоколад, покажу все интересные уголки, которые скрывает этот город, а потом, когда она устанет от осмотра достопримечательностей, мы вернемся, и я снова окажусь между ее ног и заставлю выкрикивать мое имя, пока в ее легких не закончится воздух.

Но пришлось вернуться к реальности: ничему из этого не суждено случиться, все закончилось той ночью, когда я застал ее в объятиях другого мужчины.

Я направился в ванную и принял холодный душ. Выйдя в одних серых пижамных штанах, я обнаружил ее у изголовья кровати. Она крепко сжимала в руках простыню, скрывающую любой намек на наготу. Ее глаза смотрели на меня с сомнением, будто она не знала, что делать. Я протянул руку и поднял белую футболку, которая лежала на полу. Бросил ей так, чтобы она смогла поймать.

– Одевайся, – приказал я, стараясь говорить спокойно, стараясь держать себя в руках.

Ноа, казалось, колебалась, и, когда я посмотрел на ее лицо, на растрепанные волосы и эти губы, которые так сильно хотел поцеловать, пришлось заставить себя выйти из комнаты. Я пошел на кухню, схватил свой мобильный и позвонил Стиву. Он переехал в город и жил рядом. Отец настоял на том, чтобы с этого момента он работал на меня, и я был рад, что рядом есть кто-то, кому я доверял прикрывать мою спину.

– Мне нужно, чтобы ты забрал ее отсюда, – сказал я с отчаянием в голосе.

Стив вздохнул на другом конце линии и дал понять, что сделает то, что ему сказали. Он был мне должен. Ему вообще не следовало приводить ее в мою квартиру.

Я повесил трубку, сварил кофе, и через минуту она появилась на кухне. Она не оделась, по крайней мере, не в свою одежду. На ней была моя белая футболка выше колен. Она выглядела так, словно только что вышла из ванной: волосы не были сильно растрепаны, а лицо выглядело свежим и чистым, без следов вчерашних поцелуев. Как давно я ее не видел такой.

– Я позвонил Стиву, чтобы он забрал тебя, – сказал я, когда она наливала чашку кофе. Я старался говорить спокойно, будто так и нужно, будто выгнать человека, в которого я был влюблен, было самой нормальной вещью в мире.

– Я не хочу уходить, – прошептала она.

Я посмотрел на нее, на то, как она изменилась после нашего разрыва. Она была такой худой... она так похудела, что прошлой ночью, увидев ее тело, я боялся сломать его. Она больше не была той Ноа, которую я помнил, храброй девушкой, которая все время противостояла мне, той, которая делала мою жизнь намного интереснее.

Ссоры с ней всегда были жестокими, а теперь... казалось, что передо мной стоит испуганный олененок, и это еще больше меня бесило.

– Что ты задумала, Ноа? – спросил я, сбавляя тон. Не хотелось дойти до полной потери контроля над собой и высвободить всю накопленную ярость, которая, как я чувствовал, уже закипала внутри. Но все же нужно было дать ей понять, что ничего не изменится. – Ты ничего не сможешь сказать или сделать, чтобы изменить то, что произошло. Прошлая ночь была прекрасна, но мне не интересно играть с тобой в эту игру.

– Ты все еще любишь меня, – заявила она, делая шаг вперед. Она хотела прикоснуться ко мне, но я отпрянул, чувствуя отвращение к себе, отвращение из-за того, что вчера вечером позволил себе лишнее. Я не хотел давать ей ложных надежд, это не входило в мои планы.

– Я был влюблен в тебя, – спокойно заметил я. – Был, Ноа, в прошедшем времени. Ты изменила мне. Конечно, наверное, есть парни, которые могли бы простить то, что ты сделала, но ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что я к ним не принадлежу.

– А я принадлежу? – ответила она, обнимая себя. – Ты не можешь притворяться, что то, что произошло несколько часов назад, не повлияло на тебя так же, как на меня... Я видела это в твоих глазах, Николас. Видела этой ночью и тогда, в день свадьбы Дженны. У тебя еще есть чувства ко мне. Ты все еще...

– Что ты хочешь услышать, Ноа? – воскликнул я в ярости. На самом деле я был зол не на нее, а на себя. Зол за то, что не знал, как сдержаться. Что сорвался не раз, а дважды. Что не сумел скрыть эмоции, несмотря на все усилия. Да, у меня до сих пор были чувства к этой девушке. – Совершенно очевидно, что ты умеешь играть в эту игру намного лучше меня.

Ноа пристально смотрела на меня.

– Я не играю. Я просто хочу...

Она не закончила фразу, но в этом не было необходимости, потому что я прекрасно знал, чего она хочет от меня.

– Тебе пора идти, – сказал я несколько секунд спустя. Взял стоявшую передо мной чашку и повернулся, чтобы поставить ее в раковину, – просто предлог, чтобы не смотреть ей в глаза.

– Как ты смог? – спросила она, и ее тон заставил меня снова повернуться к ней. Вспышка гнева мелькнула в ее медовых глазах. – Объясни, как ты можешь жить дальше, потому что я не могу!

Это уже не смешно. У меня больше не было жизни. Моя жизнь состояла из бесконечной работы, где для любви больше не было места. Мне было хорошо и без всяких там чувств. Любовь – полное дерьмо, я отдал все ради любви, и вот куда она меня привела.

Я знал, что если хочу, чтобы она исчезла раз и навсегда. Если хочу дать ей понять, что ничего не изменится. Если хочу увидеть, как она уходит за дверь и больше никогда не причинит мне боль, то нужно быть жестоким. Придется посыпать рану солью.

Я уставился на нее, и мое внимание привлекло то, что до сих пор оставалось незамеченным: на ней был серебряный кулон, который я подарил ей на восемнадцатилетие.

Я подошел к ней, не сводя с нее глаз. Моя рука легла ей на затылок и почти без усилий нашла застежку на кулоне. Ноа, растерявшаяся от моего взгляда, не понимала, что я делаю, пока я не сделал шаг назад, взяв кулон и поместив его в свой задний карман.

– Отдай, – недоверчиво попросила она, не понимая, что я только что сделал.

Я крепко сжал челюсть.

– Тебе нужно перестать держаться за то, чего больше не существует, черт возьми.

– Николас, отдай мне кулон, – настаивала она сквозь стиснутые зубы.

– Зачем? – спросил я, повысив голос, от чего она вздрогнула. – Какого черта ты до сих пор его носишь? Никак не можешь оставить все позади? Хочешь вызвать во мне прежние чувства? У тебя ничего не получится.

Ноа заморгала, удивившись моим словам, затем с яростью толкнула меня в грудь.

– Хочешь знать, почему я ношу его?! – закричала она. – Потому что он напоминает мне о тебе. Больно это слышать? Но это чертова правда, понял?! Я скучаю по тебе!

Я не хотел слышать правду, по крайней мере, не такую правду. Я не хотел чувствовать себя виноватым. Не хотел признаваться вслух, что тоже скучал по ней... Черт, я не хотел признаться себе, что мне было больно забирать у нее знак моей любви.

Но нужно было покончить с этим раз и навсегда.

– Я в отношениях, – объявил я, не сводя с нее глаз.

Ноа застыла на месте. Злость исчезала из ее глубоких глаз, пока она медленно осознавала мои слова. Несколько секунд она казалась потерянной, но затем, казалось, обрела голос и снова заговорила.

– Что ты... что ты имеешь в виду?

Я закрыл глаза и с отвращением провел рукой по лицу. Мне правда придется? Действительно необходимо? Нужно ли причинять нам еще большую боль?

Да, это необходимо.

– Я встречаюсь с Софией, Ноа.

Мои слова, казалось, ударили ее в грудь. Как будто я выстрелил ей прямо в сердце. Ее глаза расширились, когда она услышала это имя, и посмотрела на меня так, будто я предал ее. Будто она, наконец, очнулась от обмана.

Я желал прижать ее к груди и сказать, что это ложь, но не мог этого сделать. Я должен был покончить с этим, и лучше сделать это быстро, не оставляя никаких сомнений.

Она опустила взгляд на пол и посмотрела на разделявшее нас пространство. Снаружи рассвело, и первые лучи света залили квартиру, унося с собой тьму лжи и тени того, что мы сделали несколько часов назад. Как уже было сказано, пути назад нет. Когда она снова взглянула на меня, я понял, что сломал ее.

– Вы всегда были вместе, верно? – Ее голос звучал надломлено... и мое сердце сломалось вместе с ним. Я злился на ту легкость, с которой она поверила моей лжи. Доказывает ли это, как сильно она меня любила? Неужели легче поверить в это, чем в то, что для меня существует только она?

Я крепко сжал кулаки.

– Да, – громко и ясно сказал я. – Я был влюблен в Софию с тех пор, как встретил ее, с той самой минуты, когда увидел. Она красивая, умная, у нас общие увлечения и амбиции. Извини, Ноа, но с ней проще. Нет драмы, нет проблем. София женщина, а не девушка.

Сарказм был таким явным... Черт, это было бы ясно любому, кто слышал мои слова.

Ну, Ноа, видимо, нет. Она закрыла рот и смахнула слезы.

– Все это время... – ответила она, делая шаг в сторону, словно отталкивая меня. Скорее это была слабая попытка заставить меня понять причину ее расстройства. Теперь, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю, то думаю, что именно в тот момент мы закончили то, что начали вместе: оба сломаны, оба разбиты... и единственный способ исправить это был потерян.

– Лучше тебе уйти, – добавил я с теми небольшими силами, которые у меня еще оставались.

Она даже не посмотрела на меня, отстранилась и исчезла в моей комнате.

После этого я убедился, что Стив доставил ее в отель.

Вторая часть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.